

Эльрида Морозова

КАРАВАН

Эльрида Морозова

Караван

«Издательские решения»

Морозова Э.

Караван / Э. Морозова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746974-0

На планете Эшера совершено преступление — взорван королевский дворец. Пока ведется следствие, молодой торговец Кейек собирается перевезти товар в Северные Земли. Перед отъездом к ним в караван напрашивается попутчик, некий Хетт — неразговорчивый, замкнутый и нервный парень. Кейек соглашается перевезти странного пассажира за деньги. Во время путешествия выплывают и другие странности Хетта. Кейек начинает подозревать, что его попутчик — не тот, за кого он себя выдает...

ISBN 978-5-44-746974-0

© Морозова Э.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Караван

Эльрида Морозова

© Эльрида Морозова, 2016

© Юлия Викторовна Санатина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Атомный взрыв на Эшере произошел впервые. Ударная волна обошла маленькую планету три раза. Эпицентром был королевский дворец в Северных Землях. Там никто не выжил. В окрестностях восемьдесят процентов жителей скончалось сразу же.

Кейек не заметил взрыва. Он находился близ южного полюса, в Феликсе, центральном торговом городе. Он сидел на земле под деревом и читал газету, когда заметил, что она подрагивает в его руках. Потом ему показалось, что и дерево над ним дрожит, и даже земля ходит ходуном. Может, началось землетрясение, а может, у него так сильно кружится голова.

«Надо завязывать с пивом», – подумал Кейек.

Вечером он узнал о ядерном взрыве из сводки новостей.

– Я не верю, этого не может быть, – сказал он своему другу Янхе. – Бомба, которая может уничтожить целый город? Это сказки. И вообще, как можно верить новостям?

Телевидение было изобретением землян. До их появления на Эшере не было электротехники. Но когда планеты начали меняться опытом, они многое позаимствовали друг у друга.

– Ты что, не знаешь землян? – спросил Янхе. – У них еще и не такое найдется. Разве ты не видел фейерверк? Помнишь, он был на дне города, в том году, в Феликсе. Там тоже все взрывалось.

– Да. Только от фейерверка никто не умер, – напомнил ему Кейек. – Может, земляне делали испытания каких-нибудь фейерверков и нечаянно попали в королевский дворец?

– Очнись, дурень! – безобидно ответил ему Янхе. – Испытания они бы проводили там, где бы никто не пострадал. Где-нибудь возле экватора или вообще на своей Земле. Бомбу во дворце взорвали специально. Тот, кому это выгодно.

– Ну и кому это может быть выгодно?

– Королю Южных земель. Или этому скотине с востока. Или этому придурку с запада. На крайний конец – козлам с Территории Нейтралитета.

– Нет, я во все это не верю, – покачал головой Кейек. – Убивать целый город, чтобы захватить власть? Этого просто не может быть. Это какая-то ужасная случайность. Или вообще газетная утка. Я никогда не доверял телевидению. Разве не знаешь землян? Ведь это их изобретение. Им постоянно подавай свежие сплетни. А в сплетнях нет и слова правды.

– Но там показали руины, которые остались от дворца.

– Видеомонтаж.

Кейек только недавно выучил это чудное слово. Оно ему очень нравилось. Он вставлял его в свою речь к месту и не к месту. Сейчас он был очень горд собой: получилось к месту.

– Я видел, как это показывали, собственными глазами! – продолжал доказывать Янхе.

– А я поверю, только когда увижу это собственными глазами.

Сейчас в Феликсе они занимались закупкой товара, который должны были повезти караваном в Северные земли. Скоро должно было начаться их путешествие. И Кейек от души надеялся, что они придут на привычное место, где не случалось никаких взрывов, где так же стоят дома, растут деревья и щедрые жители готовы раскошелиться на новые товары.

– Фома неверующий, – обругал Янхе своего друга.

– Остолоп легковерный, – не остался в долгу Кейек.

Кейек не знал, что творится ближе к северу, но около южного полюса все только и говорили, что о взрыве королевского дворца. Каких только предположений он не наслушался, пока закупал товар. Но больше всего на него произвел впечатление разговор с продавцом ковров.

– Ну и на кой черт ты у меня их покупаешь? – говорил он. – Ты понимаешь, что никто на севере их брать не будет?

– Всю жизнь покупали, и вдруг не будут? – не верил ему Кейек.

– Тогда не было взрыва.

– Ну и какая тут связь: взрыв и ковры?

– Прямая. После взрыва твои ковры (мои, то есть) никому там не понадобятся. Нет-нет, я тебя не отговариваю. Лично мне выгодно сбыть тебе мой товар. Но говорю тебе просто как знающий человек: ты не сможешь распродать его там. Лучше тебе вообще не соваться на север, парень. Мой тебе совет: иди лучше в Западное королевство. Или в Восточное. Или на худой конец хотя бы на Территорию Нейтралитета. Но север? Парень, кажется, ты перегрелся на солнышке, чтобы всерьез даже думать о таком.

– Ты не понимаешь. У меня есть заказ для двора герцога Алана. Я уже обещал привезти туда ковры.

– Вот уж тем более, ты прогоришь. Герцог Алан – родственник погибшей королевской семьи? На кой черт ему твои ковры? Ему бы похороны справить. А может, его дом тоже разрушен? Куда он будет вешать твои (то есть, мои) ковры?

Кейек знал, что он упрям. Ему не раз говорили об этом люди. Он сделал закуп, как и планировал. Но слова продавца ковров тяжелым осадком легли ему на сердце.

– Слушай, если ты такой заботливый, то, может, сделаешь мне скидку? – спросил он продавца ковров. – А то вдруг я и правда что-то не продам?

Тот серьезно на него посмотрел:

– Я и так сделал тебе скидку.

– Нет, цена та же самая, как я брал у тебя в прошлый раз.

– Цены сейчас подскочили.

– Правда? Почему?

– Из-за взрывов в Северных землях.

Кейек наморщил лоб и попытался понять, причем здесь цены на ковры. А продавец, между тем, продолжал:

– Так что я тебе по старой дружбе сделал скидку, а ты этого даже не заметил.

– Ну спасибо, – сказал Кейек, хотя особой благодарности не почувствовал.

– И мой тебе совет: не ходи к герцогу Алану. Не до тебя ему сейчас.

– Я обещал, – коротко ответил тот.

– Иногда свои обещания надо пересматривать.

– Иногда надо. Но это не тот случай.

Янхе тоже немного упал духом.

– Может, и правда нам следует поехать на запад? Там у меня живет бабушка. Можно было бы ее навестить.

– Тебе твоя бабушка делала заказ?

– Нет.

– Ну вот, а герцог Алан делал. Сколько у нас торговых лавок на севере, неужели мы сейчас все бросим? Мы же годами это зарабатывали.

– Но взрыв...

– Взрыв был, но жизнь продолжается. И люди так же хотят кушать, хотят покупать одежду и вешать ковры на стены.

– Когда стен нет, ковер на них не повесишь. Мы можем прогадать.

Тут Кейеку все надоело, и он прижал своего друга к стене.

– Как ты не понимаешь?! – зашипел он ему прямо в лицо. – Мы там наоборот обогатимся. Многие торговцы рассуждают, как ты или как продавец ковров. Многие изменяют свои маршруты и пойдут в другие земли. А на севере нужны товары. Мы с тобой обогатимся, мы с тобой сбудем все, даже то, что сбыть уже не надеялись.

– Ну не знаю, – сказал Янхе, потихоньку освобождая свой ворот от пальцев Кейека.

– Людям нужна стабильность. Мы с тобой будем стабильностью, понимаешь? Может, мы даже поможем им тем, что просто придем и, как ни в чем не бывало, станем делать свою работу. Если у нас здесь только и разговоров, что об этом взрыве, то представь, что творится там.

– Ты считаешь, что сможешь помочь им тем, что предложишь свой товар?

– Да. По крайней мере, они отвлекутся от дурных мыслей. Они посмотрят на настоящие вещи, а не на вчерашний день, который так сильно их подкосил. Скажу тебе последнее: даже если бы я всегда ездил на восток или на запад, сейчас бы я снарядил свой караван именно на север. Я хочу посмотреть, что там происходит.

– Хочешь посмотреть на людские страдания?

– Хочу убедиться, что этих страданий меньше, чем показывают по телевизору. Видео-монтаж, знаешь ли.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Янхе.

– Фома неверующий, – сказал ему Кейек.

– Остолоп легковёрный, – не остался в долгу Янхе.

Кейек проснулся от света, ударившего по глазам. Он крепче зажмурился и спрятал голову под подушку, и только потом подумал: «А что это было?»

Ответ пришел сразу же.

– Извините за причиненные неудобства, это полиция. Мы проводим рейд. Будьте любезны встать и показать ваш товар.

Кейек вылез из-под подушки и, прищурившись, посмотрел на полицейского.

– Почему же ночью? Днем бы лучше разглядели мои товары.

– Это внеурочный рейд. Я уже извинился за причиненные неудобства. Вставайте.

Кейек специально кряхтел и стонал больше обычного. Он хотел показать полицейскому, что тот поступает очень неправильно, будя честных граждан посреди ночи. Но тот не обращал внимания на его старания. Он без зазрения совести светил ему фонарем в лицо.

– Давно ли вы ездите с товаром?

– Это моя восемнадцатая поездка.

– Маловато. Только что я проверял человека с пятьсот двадцать шестой.

– Да что вы? А ничего, если ваш человек с пятьсот двадцать шестой ездит в соседний город, а я практически пересекаю планету? На это ведь времени уходит больше, как вы думаете?

– Что возите?

– Легче перечислить, что не вожу. Посуду, гардины, одежду, ковры, циновки, строительные материалы...

– Покажите.

Кейек еще раз застонал, чтобы показать, как ему все это надоело, и, прихрамывая, повел полицейского к складу. Тот обратил внимание:

– Вы повредили ногу?

– Нет, это я спросонья, – ответил Кейек, чтобы тому стало стыдно.

Но полицейские такие люди: им редко бывает стыдно. Может, дома или с друзьями у них и появляется это чувство. Но что касается работы, там оно как будто бы напрочь отсутствует.

Кейек, кряхтя, открыл дверь склада. Полицейский обвел фонариком помещение.

– Вот посуда... – начал было Кейек.

– Меня не интересует мелочь. Покажите мне ковры.

– Да я на ковры сверху поставил коробки с кафелем. Может, лучше посмотрите их? А то из-под низу так доставать неохота.

– Придется, молодой человек, придется.

Кейек начал злиться. Рейды никогда не были приятным времяпровождением. Но когда ты мирно спишь себе в теплой постели, а тебя будят фонарем по глазам и заставляют таскать тяжелые коробки, это превышает лимит терпения.

– А коробки сильно тяжелые? – спросил вдруг полицейский.

– Смертельно тяжелые.

Полицейский деловито посветил фонариком на пол, где лежали огромные свертки ковров, затем – на коробки, в беспорядке взгромоздившиеся на них.

– Там точно ковры, а не что-нибудь другое? – уточнил он.

Такой вопрос Кейек слышал впервые. Он даже хмыкнул, не удержавшись:

– Что вы имеете в виду: видеомонтаж?

Видимо, полицейский не знал этого слова, потому что серьезно сказал:

– Так у вас там ковры или видеомонтаж?

– Ковры. Клянусь памятью моей мамы.

Полицейский снова посветил ему в лицо, и Кейек сделал на нем самое серьезное выражение, на которое только был способен.

– Ладно, считайте рейд оконченным. Можете возвращаться спать, – разрешил полицейский.

– Ну вот, другое дело.

Совершенно не хромая и не кряхтя напоказ, он закрыл ворота склада и пошел в свою палатку.

Утром следующего дня торговцы, столпившись в кружок, обсуждали ночной рейд.

– Это все неспроста, – уверял всех старик Пишмах. – Если они раньше и делали рейды, то хотя бы объявляли, что ищут: контрабанду, наркотики, оружие... А здесь что? Только разбудили среди ночи, практически даже не смотрели на товары. Если бы мы действительно что-то запрещенное перевозили, у нас бы этого не нашли.

– Не знаю, как у вас, – сказал Басхон. – Но лично у меня пересмотрели все. Вскрыли каждый ящик. Ушли только под утро, перевернув буквально все. А мне еще предстоит все это убирать.

– А какой товар ты возишь?

– Мебель.

– Может, они искали что-то среди мебели. Лично я вожу канцелярские принадлежности. У меня ничего не посмотрели.

Торговцы галдели, рассказывая друг другу последние новости и высказывая свои предположения. Вдруг Кейек вспомнил:

– А мне, знаете, что мой полицейский сказал? Что мелочь его не интересует, что подавай ему только большие коробки. Может, они ищут что-то конкретное? А оно большое?

– Ну и что? Пересмотрел он твои большие коробки?

– Нет, не стал. Потому что я сверху на него кафель навалил, а так бы обязательно посмотрел.

– Странно все это.

– Ничего странного нет, – объявил Янхе. – Ведь был взрыв в Северных землях. Поэтому и проводят эти рейды. Может, мы везем туда новую бомбу? Как вы думаете, бомба уж должна быть большой?

Никто из них не видел бомбу, даже по телевизору. Это было странное изобретение человека с Земли. Одно из тех, о каком даже говорить стыдно, не то что показывать. О нем заговорили только сейчас, после взрыва.

– Лично мне больше нравится телевизор, чем бомба, – сказал Урумхе. – С ним так интересно стало жить. В больших городах на центральной площади можно посмотреть новости.

– А мне не нравится телевизор, – сказал Кейек. – В большом городе на центральной площади можно подумать, что мир устроен совсем плохо. А когда походишь по городам, действительно глядя на жизнь, то видишь, что все не так, как там показывают. Видеомонтаж, одним словом.

– Наверное, сегодня в новостях должны показать, как на нас делали рейд, – предположил Басхон. – Может, там объяснят, что они искали. Ведь ни у кого ничего не нашли.

– Потому и не нашли, что сами не знали, что ищут.

– А мне кажется, они искали человека, – подал голос старик Пишмах. – Они больше не на товар мой смотрели, а в лицо мне светили. А у меня еще глаза большие, они как начали слезиться после этого рейда...

– А я хромать из-за этого начал, – сказал Кейек.

Он хотел рассказать, как сильно хромал, но люди его не слушали. Они подхватили идею старика Пишмаха.

– Людей? Нет, ну с чего бы им искать людей? – говорили одни.

– А в этом что-то есть, – говорили другие. – Может, они ищут тех, кто сделал это взрыв в Северных землях? Может, у них есть какие-то догадки, кто это совершил? Ведь действительно, товар практически не смотрели, только спрашивали, как давно торгуем и какими тропами ездим. Да по лицам светили.

– А почему тогда у Басхона все пересмотрели?

– Потому что у него большие коробки были, а там могла быть бомба.

– Почему тогда у Кейека не стали вскрывать большие коробки?

– Потому что у него там сверху кафель лежал. А кафель на бомбы не ставят, повредить могут.

– А может, и правда искали человека? А он ведь только в большие коробки залезть может.

– А у Кейека почему тогда смотреть не стали?

– Да потому что у него не коробки, а чехлы. Если бы там был человек, а сверху его придавили бы коробками, то он бы там не выжил. А полицейские хотели найти какого-то живого человека, а не мертвого.

– Эй, признавайся, Кейек: в этих чехлах ты возишь трупы людей?

Они стали смеяться, выдвигая эти предположения. Называли полицейских тупоголовыми тупицами, которые тупо тупят и сами не знают, что делают. Смеялся и Кейек, хотя ему очень не понравилось предположение, что он возит трупы в чехлах от ковров.

Все товары были закуплены, начали выючить пестрокрылых верблюдов. Янхе грузил товары сам. Кейек, как всегда, нанял бригаду грузчиков. Они ему быстро перетаскали все из складов и навязали на животных. Сам Кейек только следил за тем, чтобы все было сделано правильно и привязано крепко. К полудню он уже освободился. Хотел было пойти в город и пропустить там стаканчик пивка, да вспомнил, что давеча решил завязать с алкоголем. Правда, на самом деле это был не похмельный синдром, а атомный взрыв в Северных землях. Но ощущение было не из приятных. Да и одному пить неинтересно. Вот если бы Янхе пошел с ним...

Он подошел к другу, когда тот, обливаясь потом, пытался затащить коробки на верблюда. Тот почему-то дергался и норовил сбросить с себя все. Кейек взял его под уздцы.

– Ну что ты, что ты, – ласково сказал он верблюду. – Уж давай тебя погрузим сначала, а потом уже будешь дергаться, хорошо?

Верблюд почему-то послушался. Янхе был доволен:

– Ты вот тут стой и с ним разговаривай, а я буду его загружать.

– Да знаешь, что-то мне неохота разговаривать с верблюдами. Мне интереснее с тобой пообщаться. Хотел пригласить тебя в город, выпить напоследок стаканчик пива.

– Не видишь: товар грузу.

– Вижу. Почему бы тебе не нанять бригаду грузчиков? Жаль, я своих опустил, а то привел бы к тебе. Хорошие ребята. Все сделали правильно.

– Нет уж, – кряхтя, ответил ему Янхе. – Я лучше сам.

– Опять деньги экономишь, жмот.

– Дело не в деньгах, транжира. Они просто привязывают не так, как мне надо. А я им еще платить что-то должен? Бездельники. На кого надо проводить рейды – так это на них. После их работы вечно все падает.

– Знаешь, у меня после них еще ни разу ничего не упало. Скажи сразу, тебе жалко тратить на них деньги.

– Ну жалко, – признался Янхе. – И что в этом плохого? Я не жмот, я просто экономный. Вот сколько ты отдал этим бездельникам?

– Не так уж и много.

– Значит, много, раз не называешь цену. Ты просто транжира, Кейек. А представь, если не распродашь свой товар? В мирное время ладно, ничего не случилось бы. А после взрыва? Еще неизвестно, окупится ли твоя бригада грузчиков.

– Окупится, – уверенно сказал Кейек.

Он не думал, что она окупится так скоро. Кто-то громко звал его по имени. Кейек вышел со двора и, приложив козырьком руку к глазам, посмотрел, кто это. Его звал хозяин постоянного двора:

– Эй, Кейек, тебя спрашивают.

Он пошел к нему. И только тут увидел, что из-за его плеча выглядывает какой-то парнишка. Он был одет в просторное одеяние, а на голове была чалма, открывающая только глаза. И эти глаза смотрели на него так, будто он в чем-то провинился. Кейек успел припомнить все плохое, что он сделал в жизни, прежде чем догадался: этот человек из рейда. Он вернулся, чтобы посмотреть ковры, которые не проверили вчера.

– Он спрашивает тебя, – сказал хозяин постоянного двора и отошел.

Парень тут же приступил к допросу.

– Вы Кейек, и вы направляетесь караваном на север?

– Да.

– Вы едете через Территорию Нейтралитета?

– Да.

– Когда вы выезжаете?

– Вечером, как только погрузимся.

– Вы еще не погрузились?

– Лично я уже погрузился, но некоторые мои товарищи еще нет.

– Куда вы едете?

– В Северные земли, я же сказал.

– Куда именно? – нетерпеливо спросил парнишка, будто бы Кейек сморозил какую-то глупость.

– Ну, куда... Легче сказать, куда я не еду. У меня торговая точка на Варгаре, на Дерене, на Футиене.

– И все?

– Ну, еще еду к герцогу Алану.

– Зачем?

– У меня от него заказ на ковры. Наверное, вы хотите посмотреть? Правда, я их все уже погрузил на верблюда. Не хотелось бы их развьючивать...

– Сколько верблюдов в вашем караване?

– Лично у меня пять.

– Но вы едете не один?

– Да, нас семь человек.

– И у каждого по пять верблюдов?

– Примерно так.

Рейд был каким-то странным. Никогда Кейеку не задавали таких вопросов. Каждый проверяющий и так знал, что в караване обычно от пяти до десяти человек, и что у каждого по три – семь верблюдов. Он уже начал думать, что надо знать этому странному проверяющему, как вдруг парень взмолился:

– Возьмите меня с собой!

Кейек подумал, что ослышался.

– Что? – переспросил он.

Парень уже совладал с собой и сказал более отчетливо и менее эмоционально:

– Я говорю: возьмите меня с собой. Мне нужно добраться до Футиена. Я заплачу. Сколько вы берете за это?

Кейек даже не нашелся сразу, что сказать. Никогда еще никто не просился с ним в караван. Хотя старик Пишмах брал как-то с собой внучку. Да и Урумхе, помнится, перевозил каких-то двух путников. Но к Кейеку никто никогда не просился.

– Постойте, а кто вы? – опомнился он. Ему-то казалось, что это проверяющий с рейда. Тот не стал бы проситься с ним.

Парень протянул ему руку:

– Меня зовут Хетт. Мне нужно добраться до Футиена. Сколько вам заплатить?

Кейек подумал, что если он возьмет этого человека, то его бригада грузчиков с лихвой окупится. Ему захотелось тут же пойти к Янхе и похвастаться: «Думал, у меня ничего не получится? Думал, я разорюсь? Смотри, у меня клиент, который мне платит за перевозку. Если бы ты не жмотился – кто знает? – может, этот человек пришел бы к тебе. А то ко мне».

Но надо было набить себе цену. Кейек видел, что парень горит от желания пуститься в путешествие с караваном. Он заплатит за это любые деньги. Так что надо назвать хорошую цену.

– Ну, не знаю... – протянул Кейек. – Дело в том, что у меня уже все погружено. Если брать с собой путника, то надо что-то менять...

– Я заплачу. Сколько это стоит?

– Надо взять где-то седло.

– Я куплю. Где они продаются?

– Можете купить у меня. Но надо оседлать верблюда.

– Я оседлаю. Покажите только, как это делается.

– Я оседлаю за умеренную плату, это не проблема. Но провизия? У вас есть с собой запасы провизии?

– Я достану. Где ближайший магазин?

– Я могу поделиться своей за умеренную плату.

– Скажите мне уже, сколько все это будет стоить?

Кейек даже зажмурился от собственной дерзости, когда называл цену:

– Триста тохомов¹.

Конечно, никто бы не согласился на такую цену. Но если он сбросит половину, то это будет очень хорошо.

– По рукам, – не раздумывая, сказал парень.

Кейек перестал жмуриться и спросил:

– Слушай, а у тебя вообще есть эти деньги?

– Я заплачу тебе только часть. А когда ты доставишь меня на место назначения, то получишь оставшуюся половину.

Кейек протянул руку:

– Давай тогда часть.

– Сначала оседлай верблюда.

– Покажи хотя бы деньги. С чего бы я верил тебе? Может, у тебя там не деньги, а видеомонтаж.

Хетт посмотрел на него, явно не понимая смысла сказанного. Затем полез к себе в карман, долго рылся там и, наконец, достал деньги.

– Сколько тебе?

– Сто пятьдесят тохомов, как договаривались.

Хетт вручил ему все:

– На, считай сам.

Кейек знал этот трюк. Ты начинаешь считать чужие деньги, у тебя все получается правильно, а тот человек потом предъявляет тебе, что ты неправильно посчитал, у него было больше. Так делают грязные торговцы и жулики. Кейек не любил такое.

– Нет уж, – сказал он. – Сам считай свои деньги. Ровно сто пятьдесят тохомов, я больше не возьму.

– Ладно, я пока считаю, а ты оседлай верблюда.

– Сам знаю, что делать, – пробурчал Кейек и пошел седлать верблюда.

Он подумал, что парень маленький и худой. Верблюд и не заметит лишней поклажи. Он даже перевязывать ничего не будет, просто добавит седло, и все. И все же он дал ему выбор.

– Куда тебя посадить: с коврами или с кафелем?

– Ковры, которые вы везете герцогу Алану?

– Они самые.

– Тогда я поеду с кафелем.

– Дело хозяйское.

Кейек подумал, что за триста тохомов можно было бы освободить верблюда полностью, и создать парню все удобства. Но, видно, парень был непривередливый. По нему сразу было видно, что ему все равно, в каких условиях ехать. И все же, справедливости ради, Кейек отвязал несколько мешков с кафелем и перевешал их на своего верблюда. Теперь все было по честному.

Кейек поспешил похвастаться Янхе.

– Мои грузчики уже окупались. Я окупил их с запасом, где-то поездок на восемь.

Он рассказал другу про попутчика. Думал, тот обрадуется за него, но Янхе сказал:

– Я считал тебя транжирой, а сейчас вижу, что ты не такой. А знаешь почему? Потому что ты еще хуже. Неужели ты не понимаешь, зачем этот парень так рвется на север? Скорей всего, у него там родственники. И он даже не знает, погибли они при взрыве или нет. А ты наживаешься на чужом горе. Заломил цену в три раза больше, чем надо. Ты не транжира, Кейек, а мародер.

¹ Тохом – денежная единица на планете Эшера.

– Сам ты мародер, – ответил Кейек. Но в глубине души понимал, что Янхе прав. Не следовало так обманывать парнишку.

Когда Хетт подошел к верблюду, Кейек сразу понял:

– Ты не умеешь ездить верхом!

– Я научусь.

Кейеку часто говорили, что он упрямый. Но, кажется, этот парень был еще упрямее. Сколько раз Кейек говорил ему: «Нет седла, нет провизии, не умеешь ездить», тот на все находил ответы: «Я куплю, я достану, я научусь». Хотелось бы, чтобы это были не только слова. Кейек не хотел бы отставать от их каравана из-за этого парня.

– Ну и сколько ты будешь учиться? – кисло спросил он.

– До вечера. Ты сказал, что вечером мы отправляемся. Значит, у меня есть время.

– К примеру, ты научишься. Ну, а сколько ты продержишься в седле?

– А сколько мы будем ехать до Футиена?

Кейек понял: он намеревается продержаться сколько будет надо. Сразу видно: парень закален в трудностях и привычный ко всему. Такие люди Кейеку нравились. Наверное, зря он потребовал с него так много денег.

– Короче, ставишь ногу в седло...

– Какую ногу?

– Смотря с какой стороны подходишь.

Видя, что Хетт неумело толчется возле верблюда, Кейек подошел к нему:

– Давай помогу.

– Нет! – отрезал он. – Мне нужно научиться самому. Ты же не будешь меня везде подсаживать.

– Ну, тогда вот тебе верблюд, тренируйся. А я пойду погуляю.

– Не уходи!

Это было сказано так решительно, что Кейек остановился. В этот момент он подумал, что запросил с парня не много не мало, а как раз то, что нужно. Старик Пишмах со своей внучкой так не нянчился. Да и Урумхе не так доставалось от его попутчиков. Они знай себе ехали потихоньку, и никто из них ни разу не сказал: «Не уходи. А научи-ка ты меня лучше, как ездить на верблюде».

И все же деньги нужно отрабатывать. Кейек вернулся и терпеливо начал объяснять парню, что надо делать, какую ногу куда ставить, как натягивать вожжи, как тормозить и как понукать. Хетт ездил по кругу в небольшом дворике, заново слезал и неумело садился на верблюда. Потом пожаловался:

– Спина болит. Наверное, с непривычки.

– Эх ты, – сказал ему Кейек. – Ты только тренироваться начал и уже устал. А что будет в дороге?

– Я не буду жаловаться.

Это упрямство слегка уже начало надоедать. Кейек прикрикнул на своего пассажира:

– Слышишь ты, мне тут геройствовать не надо. Лучше уж жалуйся, где что болит, пока не помер. Потому что если где-то мышцы тянет, так надо их смазать бальзамом. А если ты будешь все это терпеть, то мужественно продержишься дня три, а на четвертый сдохнешь. И никому твоя жертва пользы не принесет.

Хетт, насупившись, слушал его.

– Ладно, – нехотя уступил он. – Я вижу, что ты прав. У меня тянет мышцы спины. Что с ними делать?

– Намазать бальзамом, – Кейек вытащил его из кармана. – Эта вещь в дороге всегда нужна. Подставляй свою спину, я тебе намажу.

– Не надо, я сам.

Хетт выхватил из его рук банку с бальзамом и направился вон со двора.

– Да куда ты, дурень? – крикнул Кейек. – Самому неудобно спину мазать.

– Ничего, я справлюсь.

Кейек только рукой махнул. Он уже понял, что спорить с парнем бесполезно. Видно, за свой дурной характер он и заплатил ему так много.

Воспоминания о деньгах заставили его мысли принять другой оборот. За триста тохомов надо всячески заботиться о путнике, пылинки с него сдувать, а не называть дурнем.

– Эй, толстым слоем не мажь, – вдогонку ему крикнул Кейек. – А то будет жечь. А руки потом хорошо помой с мылом.

И все-таки не удержался и тихо чертыхнулся себе под нос:

– Придурок!

– Ребята, с нами едет еще один товарищ, – объявил Кейек.

Он неопределенно махнул рукой на Хетта. Ребятам ведь надо показать нового попутчика. Он не ожидал, что тот заговорит с ними.

– Добрый вечер. Меня зовут Хетт. Я еду с вами до Футиена.

– Хоть до северного полюса, – ответил ему Шалшох.

Это была шутка, и Кейеку стало стыдно, что Хетт воспринял ее всерьез. Он даже подался вперед и жадно спросил:

– А что, вы едете до северного полюса?

Чтобы замаять это, Кейек хлопнул парня по плечу и засмеялся. Сделал вид, что ему понравилась шутка. А теперь срочно надо переводить разговор в другое русло, пока Хетт еще раз не опозорился.

– Итак, мы едем ввосьмером. До заката выедем из города и остановимся на ночлег в знакомой деревушке Сетха.

Практичный Джихамоллан спросил Хетта:

– Ты хорошо держишься в седле? Отставать не будешь?

Кейек думал, что Хетт хотя бы слегка смутится или, по крайней мере, ответит не так быстро и не так уверенно:

– За меня не беспокойтесь. Я умею ездить в седле.

«Давно ли умеешь? Полчаса назад научился? И после этого не беспокоиться за него?»

Кейек только головой покачал. Ему казалось, что поездка предстоит трудная.

Не успели все верблюды выйти со двора, как склады и стойла стали заполнять другие торговцы. Они как будто бы только и ждали, когда эти уйдут, чтобы занять их места. Такова жизнь: не успеваешь одно исчезнуть, как на его месте тот час же возникает что-то новое.

Кейек подумал о людях, погибших на Севере от ядерного взрыва. Да, это была трагедия планеты. Но жизнь продолжается, и где-то рождаются новые дети и создаются новые семьи. На руинах севера снова воздвигаются дома.

И Кейек причастен к общему обороту жизни. Он помогает исчезать чему-то старому и создает что-то новое. Сидеть в молчании и хранить жестокую складку на лбу, помня о прошлом? Может, на это и есть причины. Но гораздо лучше сделать что-то новое, чем памятовать о старом.

Взять того же Хетта. Почему-то мыслями он часто возвращался к этому парню. Наверное, прав Янхе: у Хетта родственники на севере, и он сейчас едет узнать, как они. И надо отдать должное этому человеку. Хоть он и достает своим упрямством, но у него есть и хорошая черта: он не сидит с печальной складкой, переживая за вчерашний день. Он живет в настоящем и делает свое завтра. Молодец парень. Это достойно уважения.

Янхе жаловался где-то сзади:

– В Сетхе будет последний телевизор. А потом – несколько дней без него. Эх!..

– Слава богу, – ответил ему Кейек. – Там же показывают один только видеомонтаж. Хоть отдохнем немного без него.

– Я посмотрю, как ты будешь отдыхать без пива.

Кейек и забыл, что так и не сходил в город и не выпил напоследок. Все свое время потратил на Хетта, будь он неладен. За свои восемнадцать поездок он ни разу не изменял своим принципам, своим привычкам. А сейчас что-то пошло не по плану, и это показалось Кейеку дурным знаком. Наверное, зря он взял с собой этого мальчика. Хотя сейчас все шло хорошо: Хетт спокойно сидел в седле. Ребята даже не заподозрили, что он только что научился ездить верхом. А если и заподозрили, то ничего не сказали.

По городу караван двигался медленно. Здесь давно уже хотели выложить торговый путь, чтобы караваны с товаром не мешались жителям. Разговоры об этом ходили, но почему-то строительство такой дороги откладывалось с года на год. Поэтому они и выходили вечером: до заката надо было добраться до окраины, а там рукой подать до деревушки Сетха, где удобно устраиваться на ночлег.

Сетха славилась хорошими номерами. Там можно было снять себе девочку на ночь. Правда, девочек там было мало, и они отличались привередливостью. Ходили не с каждым и брали за это большие деньги. Кейек был обеспечен, да и свою внешность считал довольно привлекательной. К тому же, у одной девочки по имени Гелла он был постоянным клиентом. Он предвкушал приятную встречу.

От этих мыслей его отвлек голос Хетта. Он ехал на несколько верблюдов впереди, и сейчас оглядывался и спрашивал:

– Посмотри, что там происходит?

Кейек пожал плечами и посмотрел вперед.

Они уже почти добрались до городских ворот. Оставалось только выехать из них. Но впереди толклись несколько верблюдов из другого каравана. Они продвигались медленно. И можно было догадаться, что на воротах стоят полицейские и проверяют выезжающих.

Такое бывало редко. Но после взрыва в Северных Землях этого следовало ожидать.

– Проверка, – пояснил Кейек.

– Что именно проверяют?

– Какой товар везем, чтобы ничего запрещенного не было.

Верблюд Хетта остановился, пропуская вперед себя других. Он явно поджидал Кейека. И все это, чтобы спросить:

– А какой товар везу я?

Кейек чуть не поперхнулся воздухом.

– Какой, к черту, товар? Ты же ничего не везешь. Ты же путник, просто едешь с караваном. Товар везу я и мои товарищи. Тебя эта проверка совершенно не касается.

– Но меня буду спрашивать, верно?

– Да.

– И что я должен сказать?

– Что ты просто путник, едешь с караваном на Футиен, или куда ты там едешь...

Кейек не успел закончить свою фразу, Хетт перебил его:

– Дай мне своих верблюдов. Я скажу, что я тоже торговец.

– Зачем тебе?.. – начал было Кейек.

– Быстрее!

Он и сам не понимал, почему должен слушаться этого странного парня. Но когда тот говорил, его голос звучал так мощно, что не слушать его не было никакой возможности. А может,

сказывалось то, что он заплатил Кейеку целых триста тохомов, которые нужно теперь отрабатывать.

– У тебя пять верблюдов? Отдай мне двух.

– Мало, никто с двумя верблюдами не ездит.

– Сколько тогда надо? Три? Четыре? Дай их мне!

– Слушай, парень, давай не будем... – попытался было Кейек.

Хетт его даже не слушал.

– Скажи, какие верблюды будут твоими, а какие моими. И что мне надо отвечать?

Кейек вытянул шею, всматриваясь, что происходит впереди. Он увидел, что полицейские спрашивают торговцев, но не видел никого, чей бы товар стали проверять.

– Ну, скажи, что эти три верблюда – твои, – показал Кейек.

– А что я везу?

– Ну, на этом верблюде строительные материалы, на этом – посуда, на этом – ковры.

– А что еще у тебя есть?

– Ну, еще одежда.

– Ковры бери себе. Я повезу посуду, строительные материалы и одежду.

– Да какая тебе разница, нам всего лишь пройти полицейский пост. Не собираешься же ты действительно отбирать мой товар! – начал кипятиваться Кейек.

– Ты не понимаешь. Ковры ты везешь герцогу Алану, а я еду на Футиен.

Кейек промолчал.

– Что меня еще будут спрашивать? – допытывался Хетт.

– Ну, не знаю. Например, какая по счету эта поездка для тебя.

– Ну и какая?

Кейек хмыкнул.

– Судя по возрасту, с натяжкой вторая. Если ты только не ездил раньше с родителями или опекунами.

– А у тебя какая?

– Восемнадцатая.

– У меня может быть восемнадцатая?

– Ну, не знаю.

– А скажи, они больше придираются к новичкам или к бывалым?

– Да они вообще ни к кому не придираются. Если только ты не везешь что-нибудь запрещенное.

– А ты везешь что-нибудь запрещенное?

– Нет. Я же не враг самому себе. Да успокойся ты. Эти посты – пустая формальность. С тобой только поговорят, и все. Вот недавно они тоже делали рейд. Разбудили нас посреди ночи, проверяли товары.

– Зачем?

– Да просто так. Им же надо делать какую-то работу. Они полицейские. Хотя старик Пишмах утверждает, что они искали человека.

Кейек засмеялся. Почему-то Хетт даже не улыбнулся.

– Я похож на торговца? – спросил он.

Кейек оглядел его:

– Да, знаешь, не очень.

– Почему?

– В этой чалме ты больше похож на монаха.

Хетт заметно расстроился. Затем одним махом соврал с себя чалму, открыв не только лицо, но и свой бритый череп. Он вопросительно смотрел на Кейека, ожидая от него оценки.

– Ну знаешь... – протянул Кейек. – Может, и не в чалме дело. Старик Пишмах тоже носит чалму, и все нормально. Да и Басхон иногда. Просто я знаю, что ты не торговец, поэтому ты мне им и не кажешься.

– Ладно, что они еще будут спрашивать? – допытывался Хетт.

– Не знаю.

– А они могут попросить вскрыть товар?

– Могут. Они могут все.

– И что же мне делать?

– Вскрывать.

– А как это делается?

Кейек начал терять терпение.

– Все это очень просто. Берешь и вскрываешь. Коробки открываешь. Чехлы развязываешь. Но, скорее всего, они не попросят это делать. Так что успокойся, пока я тебя не высадил.

– Я тебе заплатил. Ты не сможешь меня посадить!

На мгновение Кейеку захотелось вернуть парню все его деньги. Тогда он будет свободен от этого упряма, паникера и привереды. Разве триста тохомов стоят таких душевных мук? Но, с другой стороны, разве можно отказаться от такой суммы? Янхе вообще не поймет. Скажет: то мародерничал на бедняге, теперь и вовсе прогнал.

– Ладно, черт с тобой, – махнул рукой Кейек. – Просто говори, что везешь товар в Северные земли.

– На Футиен?

– Сойдет.

– Все везти на Футиен?

– Вези все. Проще будет запомнить.

– А это реально?

Этот вопрос вывел Кейека из себя.

– Слушай, как ты мне надоел! С тобой я совершенно потерялся в реальности. Думаешь, можно врать и при этом говорить о реальности? По-моему, это вещи несовместимые.

Хетт промолчал. Кейек был рад, что он заткнулся. Теперь можно было решить еще один вопрос.

Он подошел к Янхе.

– Слушай, одолжи мне парочку верблюдов.

– Зачем?

– Пройти полицейский пост. И не спрашивай почему. Я тебе даже ответить не смогу. Со мной тут такой видеомонтаж происходит, что я уже вообще ничего не соображаю. Просто дай пару верблюдов, хорошо?

– Ну ладно, – согласился Янхе. – Но ты конченный придурок.

– А ты вообще идиот, – ответил Кейек.

Первым пост прошел Кейек. Хетт отирался рядом и слушал, что он отвечает на вопросы. И Кейек знал, что тот будет повторять за ним то же самое. Поэтому он старался говорить громко, отчетливо и медленно, чтобы Хетт услышал и запомнил.

Товар смотреть не стали, хотя по коврам хорошенько похлопали, будто прощупывая. Кейек отошел, но недалеко, остался рядом на всякий случай. Почему-то он тоже волновался за своего пассажира. Наверное, тот излишне нервничал и передал свое настроение другим.

– Ваше имя?

– Хетт из Феликса.

– Что везете?

– Посуду, кафель и это...

Кейек чуть не начал подсказывать: «Одежду, дурак!» Хетт вспомнил сам:

– ...и одежду.

– Одежда для кого?

– Для людей.

– Понятно, что не для верблюдов. Мужская, женская?

Кейек понял, что Хетт не знает ответ на этот вопрос. Они не обговаривали эту тему. Ему показалось, что Хетт сейчас стушует и начнет что-нибудь мямлить. Но вместо этого он с напором сказал:

– Постельное белье вы считаете мужской или женской одеждой?

Получилось, что Хетт не ответил на вопрос. И хорошо, что проверяющий не прицепился к этому. Потому что если бы он вскрыл тюки с одеждой, он не обнаружил бы там никакого постельного белья.

– Давно ездите?

– Это моя восемнадцатая поездка.

– Куда направляетесь?

– У меня торговая точка в Футиене, в Северных землях, близ Территории Нейтралитета.

– Ездите всегда одним и тем же караваном?

– Да.

– Кто-нибудь может поручиться за вас?

– Конечно. Любой может поручиться за меня. Вот, например, Кейек.

Хетт махнул на него рукой. Кейек сделал вид, что разговор не слушал, и только сейчас увидел, что на него обратили внимание. Он сделал большие глаза, как будто бы спрашивая: «Про меня говорите?»

Проверяющий не стал спрашивать его поручительство. Поверил на слово.

– Проезжайте. Следующий!

Кейек думал, Хетт сейчас расслабится или хоть как-то покажет, что он прошел это испытание. Нет, он так же гордо прогарцевал мимо него, словно никакая гора с его плеч не сваливалась. Кейек пристроил своего верблюда рядом.

– Ну как? – спросил он.

– Нормально.

– Можно забирать своих верблюдов назад?

– Да.

Разговор был окончен. Кейек отъехал от него. «Хоть бы спасибо сказал», – с неприязнью подумал он.

Кейеку всегда нравилась Сетха. Особенно девочки. Многие из них были приезжими, потому что прослышали о том, что здесь можно заработать.

Почти все торговые пути проходили через Сетху. Те, кто только выезжал из Феликса, еще не хлебнули трудностей пути и воображали дорогу приключением. А разве может быть приключение без девочек? И наоборот, те, что проделали трудный путь и были почти у цели, могли теперь расслабиться и позволить себе развлечься.

Кейек очень ждал встречи с Геллой. Ее кожа пахла травами. Он допытывался, как у нее так получается: втирает ли она масла в тело или ест что-то специфическое. Но она лишь смеялась и говорила, что не раскрывает профессиональных секретов.

Когда Кейек предавался приятным мыслям, к нему подъехал Янхе.

– Слушай, давай комнату возьмем одну на двоих. В Сетхе они дорогие. Что мы будем зря тратить?

Это правда: в Сетхе были дорогие отели. Но Кейека это не смущало.

– Жмотина, опять хочешь экономить деньги?

– Транжира. И зануда к тому же. Ну зачем тебе одноместная комната? Скучно. А то хоть будет с кем поговорить.

– Мне твой треп слушать еще несколько дней пути. Дай хоть немного побыть одному. А тыними комнату с Джихамолланом. Тоже известный скряга.

– Да не хочу я с Джихамолланом. Он зануда.

– Так я ведь, по-твоему, тоже зануда.

– Джихамоллан храпит по ночам. А ты не храпишь.

– Тогда предложи Урумхе.

– Он всегда берет комнату с Шалшохом, ты что, не знаешь?

– Предложи тогда Хетту. Не думаю, что он храпит по ночам.

– Все, я уже сам с тобой не хочу, – объявил Янхе. – Потому что ты не друг, а последняя сволочь.

– А ты конченный ублюдок, – ответил ему Кейек.

В Сетху въехали за полночь. Самое время для отдыха и увеселений. Проезжая по улицам, Кейек начал засматриваться на девушек. Но сначала надо было определиться на ночлег, поставить верблюдов в стойла и поужинать. И только потом можно будет подумать об отдыхе. Но когда рядом ходят такие красавицы, разве можно думать о чем-то другом?

Остановились на том же постоялом дворе, что и в прошлый раз. Здесь было уютно и не слишком дорого. К тому же, в этом баре должна работать Гелла. Очень удобно: далеко можно не ходить.

В стойлах Хетт чуть не упал с верблюда. Оказывается, он пытался слезть с него и зацепился ногой за пряжку седла. Типичная ошибка новичков.

Кейек почувствовал за него приступ стыда, ставший уже привычным. Он понять не мог, почему так болезненно реагирует на этого человека. Вот когда-то Урумхе брал с собой двух пассажиров. Он не нянчился так с ними и не краснел со стыда, если те делали что-то не так. Правда, они, кажется, ничего не так и не делали.

Он подошел ближе и начал пояснять:

– Когда слезаешь, держаться надо вот здесь, а ногу ставить вот сюда. И не цепляться за пряжки ногами.

– Почему ты не сказал мне об этом в прошлый раз?

– Да потому что это каждый дурак знает.

Он думал, что Хетт обидится на эти слова. Но он отнесся к ним равнодушно. Только спросил:

– Есть ли еще что-то, что знает любой дурак, но не знаю я, а ты мне этого не сказал?

Кейек задумался, перебирая в уме все что можно. Хетт в это время потягивался и разминал затекшие мышцы.

– Устал в дороге? – спросил его Кейек.

– Да, мышцы тянет. И ноги затекли. И как вы целыми днями сидите на этих верблюдах?

Кейек еще немного подумал. Он размышлял, стоит ли сказать Хетту о девочках. Ведь тот попросил ему сказать то, что знает любой дурак. Конечно, он имеет в виду торговца, едущего с караваном. Каждый из них знает, что здесь можно снять себе девочку на ночь. Не знает об этом один только Хетт. А у него как раз мышцы затекли.

– Знаешь, что тебе надо? – решил сказать ему Кейек. – Хороший массаж. Ты можешь пригласить к себе девочку на ночь. И попросить ее размять тебе мышцы. Очень полезно. И на следующий день будешь чувствовать себя свежачком.

– Здесь есть массажистки? – спросил наивный Хетт.

– Проститутки. Но ты можешь попросить их сделать тебе массаж. Они это умеют.

Видно было, что Хетту это не понравилось. И Кейек предложил:

– Если ты стесняешься, я могу снять тебе девочку и привести в номер так, что это никто не увидит. Все будет тихо.

– Нет! – отрезал Хетт. – Мне не нужна никакая девочка. Я думал, здесь есть профессиональные массажистки, а тут какие-то дилетантки. Я не хочу доверять свои мышцы сомнительным девочкам. К тому же, я устал и хочу спать. Может, ты сидишь на верблюде с детства и ко всему привык. Но я первый раз в жизни преодолел такое расстояние. Я устал. И мне нужно элементарно: лечь в постель и выспаться.

– Как хочешь, – махнул на него рукой Кейек. Он давно уже понял, что спорить с этим человеком бесполезно. – Я сниму тебе одноместный номер и, если захочешь посреди ночи, можешь спуститься вниз и поискать себе девочку. Мало ли что, вдруг передумаешь.

Кейек думал, что Хетт сейчас скажет: «Нет, ни за что!» Но он отнесся к его словам очень спокойно.

– Хорошо. Скажи на всякий случай, где можно взять себе девочку.

Кейек охотно пояснил:

– Спускаешься на первый этаж, в бар. Можешь заказать себе пива. Сидишь себе один и попиваешь. Не заметишь, как девочки начнут подходить сами. А ты только выбирай. Какие тебе больше нравятся: брюнетки, блондинки?

– Мне нравятся чистые.

– Да, можно и ванну с ней принять. Чтобы уж совсем все чисто было. И не забудь: тебе нужен массаж. Пусть она хорошенько разогреет тебе спину.

Кейек снял два одноместных номера: себе и Хетту. Янхе бросил на него неодобрительный взгляд. Сразу видно: считает транжирой. Да еще тем, кто наживается на чужом горе.

Кейек предпочел об этом не задумываться, а потихоньку спросил, где тут Гелла. Такие дела нужно делать сразу. А то оглянуться не успеешь, как твою девочку заберет кто-нибудь другой. Так что чем раньше прояснишь это, тем лучше для тебя.

– Да, Гелла у нас работала, – сказал ему хозяин двора. – Но сегодня ее нет.

Кейек почувствовал, что у него падает сердце. Сразу стало как-то скучно и неинтересно. Как будто бы зря приехал в Сетху.

– Где она?

– Уехала. Она же родом из Северных земель. У нее там семья, друзья. Она поехала узнать, что с ними случилось после взрыва.

– Очень жаль, – вздохнул Кейек. Он подумал, что хоть этот взрыв и не коснулся его лично, но у него много знакомых, которым досталось. Ему хотелось знать, что с Геллой все в порядке. – И как она? – спросил он.

– Ну как можно быть в такой ситуации? – спросил хозяин двора. – Конечно, переживает девчонка. Готова была все деньги отдать на самолет. Хотя до этого говорила, что в жизни не сунется в эту консервную банку. А тут – хотела быстрее узнать, что там с домом.

Самолеты тоже были изобретением землян. До этого на Эшере не было воздушного транспорта, все передвигались землей и считали это надежным. Сейчас на планете было несколько рейсов, связывающие важнейшие точки мира. Но на них в основном летали не простые люди, а чиновники, дела которых не терпели отлагательства.

Кейек не доверял самолетам, как и всем остальным изобретениям землян: ни телевидению, ни видеомнотажам, ни ядерным бомбам.

– Она полетела самолетом? – уточнил он.

– Хотела. Она собрала свои вещи и поехала в Феликс. Но вчера вернулась и сказала, что рейсы в Северные Земли сейчас отменили. И ей пришлось поехать с попутным караваном. Буквально вчера они отчалили.

Кейеку было очень жаль, что Гелла не дождалась его каравана, который тоже был бы попутным, а уехала не понять с кем. Всего лишь сутки отделили его от Геллы. В принципе, если его караван хорошенько постарается, то можно будет нагнать предыдущий. Ему хотелось прямо сейчас вскочить на верблюда и поехать за ней. Но он понимал, что никто так не делает. Есть уже выверенные маршруты, на которые надо тратить определенное время. Если они увеличат скорость, то к вечеру могут не найти нормального постоянного двора. Хотя Кейек считал, что переночевать можно везде, хоть в своей палатке. И загонять верблюдов тоже можно. Он вообще считал, что иногда в устоявшиеся порядки надо привносить что-то новое. Если бояться, что не найдешь себе ночлег, то ты действительно не найдешь его. Даже если он будет стоять у тебя под носом, ты его просто не увидишь. А вот если хорошенько захотеть, то ты сможешь сделать все, что ни пожелаешь.

– Вы можете выбрать другую девочку для себя, – сказал хозяин.

– Придется, – вздохнул Кейек. Хотя ему казалось, что по сравнению с Геллой другие девочки не слишком-то хороши. – Я сделаю это после ужина, – сказал он. – А пока распорядитесь, чтобы накрыли стол на восемь человек.

– В вашем караване же всегда было семеро, – вспомнил вдруг хозяин.

Кейек так и не придумал, что ответить: что взял с собой пассажира, или что у них новый торговец.

– Ну вот сегодня нас восьмеро, – сказал он.

Хетт сказал, что сильно устал и на ужин не пойдет. И напрасно Кейек говорил ему:

– Надо не только отдохнуть, но и подкрепить свое тело физически. Если ты не заправишься, завтра тебе будет совсем худо. Есть такая пословица: «Голодный верблюд далеко не уедет».

– Тогда я закажу ужин себе в номер.

– Ну как хочешь.

– Закажи мне, а я то не знаю, как это делается.

Кейек чуть не плюнул с досады. Ох и привередливый пассажир ему попался. Норовит командовать им: сделай то, сделай это, научи ездить на верблюде, дай ему свой товар, принеси ему ужин в комнату. Вот не разбудит он его рано утром, караван уедет без Хетта. И увезет Кейек с собой сто пятьдесят тохомов. И даром не надо ему оставшуюся половину.

С этими мыслями стало легче. Хоть Кейек знал, что никогда так не поступит, но думать об этом было приятно.

За столом собрались семь человек, а не восемь. Пишмах оглядел собравшихся. Как самый старший и опытный, он был главным в караване.

– Ну что ж, друзья мои, – сказал он. – Первый день нашего пути подошел к концу. Приступим к отдыху.

Потом он обратился персонально к Кейеку:

– А что же не видно твоего пассажира? Я думал, мы хоть пообщаемся с ним за столом. Всем интересно, кто он такой, куда и зачем едет.

Кейек почувствовал раздражение, а потом понял почему. Он просто не может ответить на эти вопросы, потому что сам ничего не знает про своего пассажира. И тут же он подумал: не потому ли Хетт остался в своем номере, чтобы не сидеть за столом и не рассказывать о себе?

Ответил Янхе:

– Да что тут думать? И так ясно: у парня родственники в Северных землях, вот он и едет туда. Разве не заметно, что он очень нервный? Переживает, бедняга, за своих.

– Знаете что, ребята, – сказал Урумхе. – Давайте не будем его допытывать своими расспросами. Нам еще долго ехать вместе. Надо будет – он сам нам расскажет. А так – ему и сказать будет нечего. Он же сам не знает, что с его семьей.

С ним согласились. Сказали, что это печально. И очень плохо, что человек еще долго не будет знать, что с его семьей. И что телефоны – изобретение землян, позволяющее поговорить с другим человеком хоть на другом конце планеты – нужны не только высокопоставленным чиновникам и богатеям, но и простым людям.

Многие уже разошлись спать, и можно было поискать себе девочку. Но вдруг дверь в бар открылась, и сюда вошли новые посетители.

Кейек узнал Пайакохху. Это была женщина-легенда. Обычно торговцами были мужчины, потому что перевозить товары – дело тяжелое. Очень редко среди них были женщины, которых нужда заставляла заниматься тяжелым трудом. Совершив две-три поездки, эти женщины обычно выдыхались и оставляли это дело. Либо говорили, что заработали достаточно, и больше они этим заниматься не будут.

Пайакохха была особенной. Казалось, ей доставляет удовольствие взвалить на себя мешок и пронести его несколько метров. Ради забавы она может разгрузить караван верблюдов. И играючи пройти от одного конца планеты до другого, таща на своих плечах невероятные тяжести.

Когда-то она ходила в караван с мужчинами-торговцами. А потом сколотила вокруг себя отряд женщин, таких же, как она. Правда, им до нее было далеко. И мышцы у них были не так накачаны, и волосы они хотя бы изредка причесывали. Сама Пайакохха не была похожа на женщину в прямом смысле слова: накачанные руки, коротко остриженные волосы, ни следа косметики на лице. Мужчины считали ее за своего парня. Но когда она вливалась в мужской коллектив, ей оказывали знаки внимания как настоящей леди.

Вот и сейчас Кейек и Урумхе начали приглашать их за стол.

– Девочки, давайте к нам, мы платим!

Кейек подумал, что если бы это слышал Янхе, ему бы очень не понравилось такое транжирство. Хорошо, что он ушел спать. А другие караванщики позавидовали этому столу: к ним пришли дамы, а к тем нет. По крайней мере, Кейек чувствовал приступ гордости. Он чувствовал, что взгляды других устремлены за их стол. И когда он спрашивал Пайакохху, как дела, он специально положил руку ей на плечо.

А та как будто бы не заметила этого.

– Плохо у нас дела! – Она ударила рукой об стол так, что посуда зазвенела. – Такого идиотизма я отродясь в жизни не видела! Я просто ненавижу того, кто это придумал! Попался бы он мне, – ух! – я бы на нем живого места не оставила!

Она потрясла кулаком в воздухе. И Кейек уже подумал о том, что смеются в их сторону по другим причинам. Слишком уж разгневалась Пайакохха.

– А что произошло? – осторожно спросил он.

Наверное, зря спросил, потому что Пайакохха посмотрела ему в лицо и начала орать так, будто бы он был виноват во всех ее злоключениях.

– А ты не видишь, как поздно мы приехали? Нормальные люди уже поужинали и спят. Завтра с самого утра надо ехать, а нас так задержали! Черти, выродки, попались бы они мне! Совершенно не понимают, что нельзя так людей задерживать.

Другие женщины тоже были возмущены, неодобрительно гудели или щелкали языком. Но никто так не расходился, как Пайакохха. Кейек попытался погладить ее по плечу, чтобы успокоить, но она сбросила с себя его руку.

Урумхе спросил:

– Кто же вас так задержал?

– Да эти черти, выродки окаянные, тупоголовая полиция! Как начали все проверять. Нет, это уму непостижимо. Заставили нас на посту раздеваться!

Кейек не удержался и хмыкнул. Он подумал, что это такая шутка. Но судя по разгневанному лицу Пайакоххи, это была правда. Да и остальные женщины продолжали качать головами.

К столику Кейека и Урумхе начали стекаться любопытные, привлеченные этой историей. Всем было интересно послушать, как женщин заставляют раздеваться.

– Да вы врете! – свистнул кто-то.

Пайакохха посмотрела на него так, что у него пропало всякое желание спорить.

– Слушай, тебя там не было, ты не знаешь. Небось, ты приехал вовремя, успел разгрузиться, поужинать, переспать с девочкой. А мы несколько часов толклись на посту. Эти тупоголовые твари нас не пропускали.

– Почему же так долго?

– Да потому что мы не хотели раздеваться. Никогда же этого не было. Я не понимаю, кто придумал такие порядки. Мы стояли там, ругались, орали, мимо нас проходили другие караваны, с мужчинами, которых не заставляли раздеваться. А нас заставили. И я не понимаю, какому извращенцу это понадобилось.

– А как вас раздевали? Полностью? – спросил кто-то.

Одна из женщин ответила:

– Да не раздевали они нас, только просили посмотреть спину.

– А это еще зачем?

– Искали там какой-то знак.

– Какой?

Пайакохха взорвалась:

– Дура! И ты поверила про знаки? Они просто хотели поиздеваться. Если бы у меня не было поклажи и верблюдов, я бы пошла к мэру, к министру, к королю! Я бы этого так не оставила. Но у меня заказы, груженные верблюды, которые хотят жрать. Меня ждут клиенты. Я не могу вот так все бросить и пойти разбираться с ними.

– И что же? – спросил Урумхе. – Вы показывали им свои спины?

– Представь себе: да. И после этого они пропустили нас. Это унижение! Это ущемление прав женщины! Выродки, идиоты! Ненавижу!

Пайакохха еще долго стучала кулаком по столу. И Кейек на всякий случай отодвинул свое пиво, чтобы она по нему не заехала.

Но любой гнев когда-нибудь проходит. И вскоре Пайакохха мирно пила пиво, положив свою голову на плечо Кейека. Тот чуть не лопался от гордости: женщина-легенда выбрала его, а не другого мужчину. Пусть все увидят, какие они друзья, как она обнимает его и сидит за его столом. Слава Пайакоххи коснулась и его, раз они сидят вместе.

Его плечо уже ныло от напора этой сильной женщины. Но это его не смущало. Это была ничтожная плата за то, что он сейчас приобрел.

Геллы сейчас нет. Хозяин двора сказал ему выбрать другую девочку. Но что толку выбирать неизвестных особ, которые доставят тебе удовольствие, а назавтра ты даже не вспомнишь их лиц. Пайакохха – другое дело. До скончания жизни он будет горд, что отхватил себе такой кусок. Он поднимется в собственных глазах настолько, насколько даже и не мечтал.

Люди постепенно расходились. Торговцы выбирали себе девочек, но Кейек чувствовал, что сейчас выше этого. У него была другая цель. И она была почти в его руках.

Когда плечо уже начало неметь, а пьяная Пайакохха принялась в который раз рассказывать, какой подлец ее бывший муж, Кейек решил:

– Дорогая, надо выспаться перед завтрашней дорогой. Давай я отведу тебя в номер.

– Ты ведешь себя, как мой бывший муж, тупоголовый остопоп. Давай еще выпьем, я тебе расскажу, как он надо мной издевался, – ответила Пайакохха и потянулась к новой бутылке.

Кейек позволил ей осушить ее до дна. После этого молча взвалил себе на плечо руку Пайакоххи и попытался вести ее.

Это было трудно. Пайакохха была больше него, и к тому же пьяная. Она висела на нем, как поклажа на верблюде. Кейек с трудом довел ее до лестницы и сейчас совершенно не понимал, как можно справиться с ней и дальше.

– Давай, давай, милая, – уговаривал он ее. – Помогай мне. Ставь одну ногу сюда, другую – сюда.

Сегодня он так же учил Хетта. Тот оказался более способным учеником, чем Пайакохха. Надо отдать ему должное: упорства и трудолюбия ему было не занимать. А с пьяной Пайакоххой дела обстояли плохо.

Пришлось позвать на помощь хозяина двора. Они с двух сторон взяли Пайакохху и затащили ее вверх по лестнице. А она при этом норовила сбросить с себя их руки и твердила:

– Куда вы меня тащите? Я хочу еще пива! Вы просто как мои бывшие мужья, чтоб они все подавились!

Кровать жалобно заскрипела, когда на него рухнуло тело Пайакоххи. Кейек перевел дух, отер пот со лба и сказал хозяину двора большое спасибо. Тот только развел руками:

– У нас частенько бывают такие случаи. Мне не впервой нянчиться с пьяными. Жалкое зрелище, не правда ли? Хотя я продаю спиртное на баре, но никогда не жаловал людей, которые не знают меры.

– Да, точно, – поддакнул Кейек. Он подумал, что сам всегда знает меру. И сейчас он вполне трезв, вот разве что в глазах немного двоится. Но это, наверное, от перенагрузки, а не от пива.

Хозяин продолжил:

– Особенно если дело касается женщин. Пьяного мужчину еще можно терпеть, но пьяная женщина совсем потеряла свое человеческое обличие и похожа на животное.

Кейеку показалось, что это была шутка, и он усмехнулся, показывая таким образом согласие с хозяином. Но когда дверь за ним закрылась и Кейек остался один, он понял, что шуткой тут и не пахло.

Он чувствовал отвращение, как с похмелья. И сам не понимал почему. Тяжело сел на кровать, попытался отвоевать краешек у спящей Пайакоххи. Места было мало, но можно было немного посидеть и собраться с мыслями.

Итак, он затащил Пайакохху к себе в постель. Только никакой радости от этого не чувствовал. Вспомнились слова хозяина: «Пьяная женщина совсем потеряла свое человеческое обличие и похожа на животное». Вспомнились слова Хетта: «Я люблю чистых». Как ни крути, но Пайакохху чистой не назовешь. Даже когда она трезвая, то всегда какая-то неухоженная и непричесанная. И это чудо, грязное и похожее на животное, он затащил к себе в постель? Оно храпит тут у него под боком, в нос так и бьет перегаром. А ему даже нет места, чтобы нормально улечься. А если он и пододвинет Пайакохху и примостится скраешку, то не сможет хорошо выспаться, слушая ее богатырский храп и вкушая не лучшие запахи ее тела.

От Геллы так приятно пахло, она была такая стройная, красивая и милая. И вот сейчас, когда он знает, что она места себе не находит от тревоги за родных, он преспокойно тащит себе в постель какую-то неопрятную торговку в бесчувственном состоянии.

Было в этом что-то грязное, отвратительное, от чего хотелось отвернуться и не смотреть.

Чувствуя, что его уже тошнит думать все эти мысли, Кейек оставил Пайакохху отсыпаться на его кровати, а сам спустился вниз. Он возьмет себе другую комнату. Или переночует в закрытом баре. Где угодно, только не рядом с этой женщиной.

Он думал, что во всем виновата она. Что ужасный вид Пайакоххи вызывает у него такое отвращение. Но когда он спустился вниз, то легче не стало. И он понял, что ему противно от собственных действий, потому что от них ты никуда не уйдешь и никуда не спрячешься.

Хотя Кейек напрягал всю свою память и воображение, но не мог придумать, что именно он сделал плохо.

Янхе был лучшим другом Кейека, но были вещи, говорить о которых с ним было нельзя. Например, о вчерашнем вечере лучше вообще помалкивать. Если Янхе узнает, как бездумно Кейек притащил к себе Пайакохху, а потом снимал себе другой номер, то вообще перестанет его уважать. Обзовет транжирой, каких свет не видывал. И будет прав.

На завтрак все спустились вниз, даже Хетт. Надо было спешить: быстро покушать и отправляться в путь. Как раз когда они будут проезжать мимо центральной площади Сетхи, начнутся утренние новости. Последний телевизор, как вздыхал о нем Янхе. Кейек не слишком любил новости, но он ехал не один, а с караваном, и нужно было соблюдать общие порядки.

Пайакохха спустилась вниз тоже, они с женщинами сели за свой стол и там молча завтракали. Кейек отвернулся, когда увидел, как она спускается по лестнице. Ему не хотелось с ней разговаривать. Если у нее хватит догадливости или памяти подойти к нему и сказать спасибо за ночлег, он не прочь ответить ей пожалуйста. Но если она это не сделает, тем лучше.

Она этого не сделала.

Хетт подошел к Кейеку в стойле.

– Я забыл, где мой верблюд. Они такие одинаковые, – шепотом сказал он.

Кейек не понимал, как можно забыть верблюда. Все равно что познакомиться с человеком, просидеть с ним целый день за разговором, а на утро спросить: «Кто ты такой?»

– Понимаешь, я не смотрел ему в морду, когда ехал на нем. И на поклажу тоже не смотрел, – оправдывался Хетт.

Стойла для верблюдов в Сетхе очень удобные. Всем известно, что верблюды спят стоя. Они даже могут спать со всей поклажей, навешанной на них. Правда, потом они больше устают. Поэтому в каждом стойле есть специальное приспособление, позволяющее удерживать груз на весу, не снимая его при этом с животного. И Кейек подумал, что, возможно, Хетт узнал бы своего верблюда по поклаже, если бы она сейчас не была вся задрана кверху.

– Сейчас я вас познакомлю поближе, – сказал он и потащил Хетта в соседнее стойло. – Вот, смотри, это твой верблюд, его зовут Шпион. Эй, Шпион, познакомься: это твой пассажир, его зовут Хетт. Возможно, мне нужно было познакомить вас раньше, но я делаю это сейчас.

– Кто дал ему такое имя? – спросил Хетт.

– Я, конечно. Мои же верблюды. Их зовут Шпион, Рыжик, Чумазый, Скороход и Ностальгия-По-Родине. – Видя скептическое лицо Хетта, Кейек привел ему аргумент: – Знаешь, моих верблюдов зовут лучше, чем, например, у Джихамоллана.

– А как зовут у него?

– Номер Один, Номер Два, Номер Три... Он, наверное, так же, как ты, не различает их. Кого поставит вперед, тот у него и будет первым.

– Значит, я еду на Шпионе, – вздохнул Хетт и внимательно осмотрел верблюда. – Да, теперь я узнаю его. Вот та самая пряжка, об которую я зацепился и чуть не упал.

Кейека покорило: по пряжке узнавать верблюда? А если он переставит седло на другого, Хетт не заметит подмены?

Но Кейек понимал, что сам он возится с верблюдами всю жизнь, а кто-то может иметь с ними дело в первый раз. Не нужно выдвигать к новичкам слишком больших требований. Глядишь, к концу поездки Хетт научится различать верблюдов в морду, а не по навешанным на них седлам.

– Почему мы остановились? – спросил Хетт посреди площади.

Кейек охотно объяснил:

– Люди хотят посмотреть утренние новости. Ведь несколько дней мы проведем без телевизора. Можно сказать, это последнее развлечение.

– Почему несколько дней без телевизора?

– Потому что ближайший будет в Яссене, а до него три дня пути.

Кейек видел, что Хетту все это не нравится, и он решил поддержать его.

– Знаешь, я тоже не жалею эти изобретения землян: телевизор, видеомонтаж, ядерная бомба. Мы так хорошо жили, пока эти люди не прилетели на нашу планету.

– Да, было проще, – согласился Хетт.

На площадь стекалось все больше народу. Было тут несколько караванов. А кроме них, местные жители. Некоторые высывались из окон своих домов.

Янхе потирал руки. Даже на лице вечно мрачного Джихамоллана было любопытство. Если чей-то верблюд начинал ржать, на него шикали всем караваном.

Началась трансляция. Как обычно, в начале была познавательная передача. Показали виды разных областей Эшеры. Местные жители смотрели как зачарованные. Большинство из них не покидали Сетхи и не знали, что творится в других местах. Кейек же многое видел своими глазами. И сейчас он подумал, что для кого-то эти картинки очень полезны. Если нет возможности увидеть мир воочию, то пусть посмотрят хотя бы на картинки. А с другой стороны, ведь это слабая замена тому, что они могли бы увидеть, если бы сами пустились в путешествие.

Когда ты едешь по свету сам, ты выбираешь места, на которые нужно обратить внимание. Ты можешь остановиться у какого-нибудь памятника, чтобы хорошенько его рассмотреть, или закрыть глаза на уродливую нищую постройку, которая тебе не нравится. Телевидение лишает тебя этого выбора. Кто-то определяет, на что тебе смотреть, а что игнорировать. Примерно такое же ощущение, как если бы кто-то открывал и закрывал тебе глаза.

Нет, Кейеку никогда не нравилось телевидение.

– А сейчас выпуск новостей, – объявил диктор. – Как всегда, главным событием на Эшере является взрыв королевского дворца в Северных землях.

Стали показывать кадры с руинами. Кейек подумал, что он бы уже забыл об этом взрыве: ведь прошло несколько дней. Но тебе об этом напоминают с экрана телевизора. Кто-то сидит у твоего лица и старательно открывает тебе глаза, чтобы ты посмотрел на то, что надо ему.

– Похороны королевской семьи и ее окружения должны были состояться сегодня. Но ученые все еще проводят экспертизу, чьи останки кому принадлежат. Ознаны и идентифицированы еще не все. На помощь нашим специалистам пришли земляне. В их распоряжении есть земные технологии, с помощью которых можно идентифицировать останки людей с высочайшей точностью.

Далее шел репортаж о земном микроскопе. Кейек видел такое впервые. Он понял, что микроскоп зрительно увеличивает все, что под него положишь. Но совершенно не понял, что такое ДНК и как по нему можно установить личность человека.

Из репортажа выходило, что идентифицированы не все члены королевской семьи. И что останки одного найти пока не удалось. Но ведутся работы, на анализ берутся новые ткани, а что касается бывшего королевского дворца, то его руины разгребли почти до основания. Кроме того, разгребаются все прилегающие ко дворцу территории. И когда все личности будут идентифицированы, только тогда назначат похороны королевской семьи, его ближайшего окружения и всех, кто там погиб.

Показали землян в лаборатории. Кейеку они всегда казались уродами, а сейчас, в своих белых халатах и с микроскопами, были наиболее отвратительны. Хотя Кейек понимал: земляне похожи на людей их планеты, но чем-то отличаются. Эти отличия он и считает уродствами, хотя на самом деле они таковыми не являются. Земляне же, наоборот, могут видеть в его сородичах

то, что не привыкли видеть у себя. И потому местные жители тоже могут казаться землянам уродами.

Однако больше всего ему не нравилось поведение землян. Без спросу прилетели на их планету, начали ее «изучать». Понастроили какие-то базы с телескопами, радарам и другими приспособлениями. Кейек ничего не имел против земной базы на экваторе. Она там даже была полезна: пускала путников на ночлег. А все остальное казалось Кейеку ненужным и лишним. Как если бы к тебе домой пришел кто-то и без спросу поселился, отобрав у тебя одну из комнат.

Кейек прекрасно понимал, что без вмешательства землян не было бы этого взрыва в Северных землях. Похороны королевской семьи должны были состояться сегодня, и они бы состоялись, если бы опять не вмешались земляне: начали проводить экспертизу, чьи останки кому принадлежат.

У землян взяли интервью. Спросили, какие останки уже идентифицированы, а какие нет. Первый землянин ответил:

– Без комментариев, – и закрыл объектив рукой.

Кейеку очень не понравился этот ответ. Был он каким-то унижающим. Тебя спрашивают по-хорошему. Не хочешь ты разговаривать, так и скажи: занят, мол, потом поговорим. Но говорить «без комментариев» и закрывать объектив рукой – это показывает, что он тебя совершенно не уважает, что у него нет чувства такта и элементарных правил приличия.

Второй землянин оказался сговорчивее. Он сказал:

– Мне жаль, что из нашей лаборатории просочились какие-то слухи. Пока экспертиза не завершена, мы не имеем полномочий давать какие-то ответы. Скажу только, что большая часть королевской семьи уже опознана. И нам осталось найти одного, последнего ее члена.

– Кто это? – спросил репортер.

И тогда второй землянин тоже ответил:

– Без комментариев.

Наверное, это было одним из самых любимых слов, которыми пользовались земляне.

Следующий репортаж был о Южных Землях, о его родине, и Кейеку вдруг стало интересно. Король Южных земель выражал свое соболезнование народу с севера. Он понимал, как им сейчас тяжело и трудно. И поэтому отправил в Северные земли несколько самолетов с гуманитарной помощью.

«Так вот почему сейчас нет пассажирских рейсов! – подумал Кейек. – Все самолеты заняты гуманитарной помощью, для людей у них просто нет места».

Ему было приятно, что король именно его страны принял такое важное участие в этом деле. И показал себя с самой выгодной стороны.

– Не то, что эти козлы с Территории Нейтралитета, – потихоньку сказал Янхе рядом с ним. – Те – ближайшие соседи к Северным землям, а даже не почесались, чтобы что-то сделать. Наше королевство находится на другом конце планеты. Но вот именно мы помогаем им в сложной ситуации, как никто другой.

В голосе Янхе была такая гордость, будто он самолично помог кому-то.

Вообще это известие народ воспринял на ура. Местные жители были подданными Южного королевства, многие караванщики тоже. В их глазах светилась гордость за свою родину. Даже мрачный Джихамоллан был доволен. Один только Хетт почему-то нервничал. Он еле сидел в своем седле. Казалось: так и хочет оттуда спрыгнуть. Конечно, ему было нечем гордиться, ведь он не был подданным Южного королевства. Но кроме желания ехать, а не торчать у телевизора, там было что-то еще.

И когда Кейек понял, что это, ему стало стыдно за свою бестактность. Парня выбил из колеи рассказ о том, что не вся королевская семья найдена. Он сейчас думает о том, что, возможно, и из его семьи кто-то погиб, а кто-то мог остаться в живых. А кто – он не знает. И предполагать можно все что угодно. Этот рассказ он мог воспринять как личную трагедию.

И если уж Кейек взялся везти его на родину, надо было обеспечить ему не только физическую безопасность, но и сделать что-то для его душевного комфорта. Эта передача по телевизору для него лишнее напоминание о своей собственной бедственной ситуации. Не надо было ему вообще появляться на этой площади и смотреть этот злосчастный телевизор с видеомонтажом.

Кейеку было жаль парня. Ему хотелось бы взять на себя часть его боли, чтобы тому стало полегче. Но он не знал, как это сделать.

Как обычно, после передачи не сразу пустились в путь. На площади было столпотворение. Местные жители, и те не сразу расходились. Старик Пишмах сказал подождать, когда все рассосутся. Из всего каравана один только Хетт рвался вперед. Остальные все были не прочь постоять в кружочке и обсудить последние новости.

Кейек был согласен с тем, что говорит старик Пишмах.

– Похоронили бы уже их всех и успокоились. И никто бы уже сейчас ни о чем не тревожился. Они уже столько дней незахороненные, это непорядок. Я считаю, что традиции надо соблюдать.

Многие были не согласны с ним. Говорили о том, что в королевской семье не удалось найти кого-то. Если уж хоронить, так всех вместе.

– Представь, Пишмах, – спорил с ним Янхе. – Если похоронят служанку вперед короля, вот это будет непорядок так непорядок!

Голос подал и Кейек:

– По-моему, самое лучшее, что можно было бы сделать, – это братскую могилу. И как можно скорее.

– Ты что: в братскую могилу и служанку и королевскую семью? С ума сошел? – стал спорить с ним Басхон.

Тут уже Кейек не выдержал и взорвался:

– А какая разница, служанка она или королева?! Неужели не понятно, что когда речь идет о человеке, то неважно, какой у него титул. В смерти все одинаковы. Ядерная бомба не пощадила никого. Ей было плевать, кто перед ней: служанка или королева. Убила всех разом, и все. И хоронить их надо всех вместе. Говорю же: самое лучшее здесь – братская могила!

С ним согласился только Урумхе, остальные неодобрительно качали головами и говорили, что это грех – сравнивать королей и слуг. И что хоронить всех вместе уж точно нельзя. И правильно делают земляне, что устанавливают личности. А то вдруг похоронят слугу в королевской могиле, тогда уж точно не оберешься бед.

– Каких бед?! – спрашивал Кейек. – Какие в этом могут быть беды?! Вот то, что натворила ядерная бомба, – это да. Столько народу за один раз покосило. А неправильные похороны – это дело десятое. Как вообще можно говорить о правильных или неправильных похоронах, если никогда еще на нашей планете не умирали от ядерного взрыва? Здесь изначально все неправильно. Никогда еще никто не отскребал кусочки мертвечины из-под руин. Вот что тут неправильно, а не то, что кого-то там не опознали. Да если хотите знать, эти анализы проводят вовсе не для того, чтобы кого-то там найти.

– Для чего же тогда? – спросил Янхе. И тон у него был такой, что Кейеку захотелось хорошенько треснуть ему по шее.

И тогда Кейек сказал то, что не ожидал услышать сам от себя.

– По-моему, все эти специалисты – большие извращенцы. Лазают по руинам и отскребают отовсюду кусочки мертвечины. И рассматривают ее в микроскоп. Для этого нужно иметь извращенную фантазию.

Янхе сразу взвился, как ужаленный, принял это как личное оскорбление.

– Они работают! Они пользу приносят: устанавливают личности. Попробовал бы ты на такой работе пахать, так небось начал бы нос воротить! Да этим людям медаль надо дать

за то, что не боятся взяться за такое грязное дело. Кто же, как не они? Скажите, ребята, вы бы пошли копать в этих руинах?

Ребята не проявляли особого энтузиазма по этому поводу. Пишмах качал головой, Басхон морщился, Шалшох кривился, Хетт скрипел зубами, а Урумхе закатил глаза и показал, что его сейчас вырвет. Один только Джихамоллан остался невозмутимым после таких слов.

– Вот видите! – торжествовал Янхе. – Никто из нас не горит желанием идти на такую работу, потому что она очень сложная. И только человек сильной воли может быть там. Так что не говори ничего, Кейек. Ты катишь на них бочку, чтобы не признаться самому себе, что ты трус и слабак. И что ты никогда бы не сделал то, что сделали они.

– Знаешь что, – ответил Кейек. – Если бы на тех руинах был кто-то, кого можно было бы спасти, я бы пошел туда и стал там копать. Меня интересуют живые люди, а не мертвяки. Мертвым нет разницы, какое у них ДНК под микроскопом. И это делается не для тех, кто там погиб. Это делается для живых, которые преследуют свои цели.

Он не знал, кому это нужно и для каких целей. Но у него было слабое впечатление, что все не так, как пытается преподнести это телевидение. Что те специалисты – большие извращенцы, которые просто рады выполнить за кого-то такую работу. А тот, кому на самом деле надо опознать трупы, просто остался в тени. Ему нужно убедиться, что все члены королевской семьи мертвы, как он и планировал, когда взрывал дворец. И возможно, есть еще третья сторона, которой хочется, чтобы люди не жили настоящим и будущим, а погрязли в прошлом. То, что можно уже забыть, старательно мусолится по телевизору. Эти руины показывают не просто так. А чтобы ты думал, что в мире очень много плохого. И что это нормально: видеть плохое. И королевскую семью не хоронят не потому, что там кого-то не хватает. А потому что пока этот вопрос не решен, мы об этом думаем. И чем больше мы думаем о плохом, тем хуже нам становится. Если бы там действительно были доброжелатели, они бы быстренько всех похоронили, руины разгребли, а на этом месте уже разбили бы сад.

Но все эти мысли были лишь в виде неясных предположений. Кейек совершенно не был в них уверен. Это были всего лишь догадки, не подкрепленные никакими фактами.

А спорить ему не хотелось. Поэтому он поставил на этом точку и пошел к своему верблюду. И услышал, как Янхе сказал ему в спину:

– Фома неверующий!

Кейек сделал вид, что не услышал. Но не удержался и процедил сквозь зубы:

– Остолоп легковерный!

Дорога от Сетхи вымощена булыжником. Здесь все удобства для торговцев: вдоль дорог много трактиров, постоянных дворов и закусовых, в которых можно купить себе бутерброд и ехать дальше на верблюде. Правда, с этими животными нужно вести себя осторожно. Они чувят запах пищи и обижаются, если хозяин ест, а им не дает. А обиженный верблюд, как и голодный верблюд, далеко не уедет.

Поэтому Кейек в который раз уже удивлялся на Джихамоллана, который как будто бы не знал этого правила. Он единственный из всего каравана остановился в закусовой, набрал себе там еды и сейчас уплетал ее за обе щеки. Да еще и уговаривал своих товарищей:

– Что вы теряетесь? Можно поесть и в седле, столько времени сэкономим.

Но никому, кроме Хетта, не хотелось экономить время.

Кейек наблюдал за ним в дороге. Действительно, Хетт рвался вперед. Если бы у него была возможность, он бы обогнал караван и пустил своего верблюда галопом. А может, он нервничал не только из-за этого. После той пресловутой передачи он просто не находил себе места, дергался больше обычного, оглядывался по сторонам, но при этом старался сделать непринужденный вид. Он даже принялся насвистывать под нос какую-то песенку, чтобы окончательно

убедить всех в том, что он совершенно не нервничает. Кейек знал эти уловки. Только человек, совершенно не разбирающийся в людях, мог бы попасться на его удочку.

Сам Кейек думал сейчас о том, что, возможно, Янхе был прав в том споре. Может, и действительно те специалисты на руинах достойны медалей и почета. Кто бы взялся за это грязное дело, как не они?

Взять, например, Кейека. Он торговец, и ему очень нравится его дело. Он любит закупать товар, сбивать цены, делать перевозки на другой конец света, торговать и наращивать прибыли. Он чувствует огромное удовольствие оттого, что пересекает планету и видит столько всего интересного. Он и выбрал эту профессию потому, потому что любит это дело всей душой.

Но тогда, выходит, либо те специалисты очень любят свое дело, хотя в это трудно поверить. Либо понимают всю важность этого процесса и отрекаются сами от себя, чтобы служить на благо другим. Только заслуживало бы это медали и почета? Отречься от своих любимых дел – это все равно что отречься от себя.

Как бы Кейек не убеждал себя, он чувствовал изъян в логике Янхе, хотя его речи звучали очень убедительно.

Маршрут каравана был точно выверен. На ночь остановились на привычном постоялом дворе, в котором останавливались не раз.

Когда Хетт слезал с верблюда, он уже не падал и не спотыкался. Единственное, что он сделал не так, как привыкший наездник, – это начал разминать затекшие руки, ноги и потирать свою спину. Глядя на него, Кейек снова вспомнил про девочек. И тут шальная мысль пришла ему в голову.

Он подошел к хозяину постоялого двора и спросил:

– Вчера здесь останавливался караван, направляющийся на север? Среди путников была девушка Гелла?

– У меня каждый день кто-нибудь останавливается. Я не могу всех упомянуть.

– А если тебе заплатить?

Кейек сунул в руку хозяина монетку. Тот наморщил лоб, вспоминая.

– А как должна выглядеть эта девушка? – поинтересовался он.

– Очень красивая.

– Ну, вообще-то была тут вчера одна девушка. Я бы не сказал, что очень красивая. Хотя мужчины, кажется, ее любят.

– Как это?

– Она довольно неплохо заработала тут. Обслужила каравана три, как бы не больше.

Кейеку стало даже стыдно, что он спрашивал о какой-то шлюхе, которая здесь заработала. Что ему сейчас сказать: «Да, да, это она, та самая девушка, которая мне так нравится!» Или напустить на себя благочестивый вид и сказать: «Как ты посмел, подлец, подумать, что я ищу себе такую потаскушку!»

Так и не придумав ничего в этой ситуации, Кейек отошел от хозяина постоялого двора. Он решил больше не спрашивать ни у кого про Геллу. Когда ты говоришь о ней в ее родном заведении, которое ее покрывает, они тебе скажут о том, какая она красивая и как сладко пахнет ее кожа. А когда тебе встречаются посторонние люди, которые никак не заинтересованы в том, чтобы продать ее подороже, они не говорят о ней ничего хорошего.

И все-таки Кейеку нравилась Гелла. И ему действительно хотелось знать, что с ней все в порядке... Надо думать, что так и есть, если она здесь хорошо заработала.

На ужине он поднял этот вопрос.

– Может, мы чуть-чуть поспешим? Я понимаю, что наш маршрут выверен несколькими годами практики. Но ведь скучно делать каждый раз одно и то же. Если бы мы прибавили скорости, мы бы нагнали предыдущий караван.

– А зачем? – спросил практичный Басхон.

Ему-то не было никакой выгоды от этого. И никому из каравана не было интересно ломать устоявшийся порядок не понять ради чего.

Один только Хетт наострил уши. По всему его виду можно было понять, что он за предложение Кейека. Он как будто бы был готов сорваться с места и пуститься в погоню за вчерашним караваном. Его тело было как пружина, которую согнули, и вот-вот она выпрямится.

– Не вижу в этом нужды, – сказал Пишмах.

– Я знаю, ты за соблюдение традиций, – вздохнул Кейек. – Но ведь так интересно делать что-то новое в жизни. Если бы никто ничего нового не делал, было бы так скучно.

Пишмах рассудил:

– Наверное, всегда есть люди, которые делают что-то новое. Двигают науку и искусство вперед, изобретают что-то, придумывают новые товары. А есть категория людей, которым нужно все делать по-старому, чтобы обеспечивать равновесие мира.

Янхе добавил:

– Есть еще те, что тормозят... Иногда просто своими дебильными разговорами.

Разговор перешел на философские темы, и Кейек больше не поднимал свой вопрос. Он надеялся, что у Геллы все будет в порядке, что когда-нибудь она вернется в Сетху, и он снова с ней встретится. И не придется ему искать новых девочек, он будет очень рад и прежней.

Кейек поймал на себе взгляд Хетта. Пришлось даже спросить его:

– Что?

Хетт покачал головой, будто бы ничего. И только после ужина подошел к Кейеку и сказал:

– А на самом деле возможно ехать быстрее и прибыть в Футиен раньше намеченного срока?

Кейек подумал, что Хетт мог бы взять верблюда и поехать на нем один, если ему уж так не терпится. И дело даже не в том, что дорога опасна, если едешь один. Он тогда попросит назад свои триста тохомов, и плакали тогда его денежки.

– Видишь, староста не хочет ехать быстрее.

– А другой караван?

– Вряд ли любой староста из любого каравана согласился бы на это.

– А почему тебе хочется ехать быстрее?

Хетт так пронзительно смотрел на него, что Кейеку стало стыдно признаваться в истинных своих мотивах. Как отреагирует тот, если ему сказать: «А я хочу нагнать одну проститутку, ускользнувшую от меня?»

– Ну, я просто вижу, что ты хочешь ехать быстрее. Мы же договорились на триста тохомов, я должен делать так, чтобы тебе было удобно в дороге. Я отстаиваю твои интересы...

– Спасибо, – коротко сказал Хетт и ушел.

Кейек вздохнул. Уж лучше бы он рассказал ему про проститутку, чем лгать вот так!

Поскольку в Яссен пришли засветло, надо было как-то использовать дневное время. Обычно они ходили гулять в парк. В Яссене очень хорошие аттракционы. Как всегда, старик Пашмах, Басхон и вечно недовольный Джихамоллан остались в гостинице. Остальные с радостью собирались провести время в парке.

Как старший, старик Пишмах наказал им не задерживаться, не напиваться и не баловать.

– Эх, всех удовольствий лишили! – жаловался Урумхе.

Кейек думал, что Хетт не пойдет с ними. У него уже сложилось впечатление, что парень прячется от всех и не слишком любит бывать в обществе. Но как ни странно, на этот раз Хетт попросился идти с ними.

И Кейек почувствовал, что праздничный вечер может быть испорчен. Ему приходилось быть в ситуации, когда в привычную компанию ты приводишь кого-то постороннего. А он

в это общество не вписывается. Но раз ты его привел, то обязан каким-то образом сделать так, чтобы он общался с остальными. И ты начинаешь стараться угодить и вашим и нашим. И в итоге замечаешь, что не угодил никому. Твоей компании не понравился новый человек, этому человеку не понравилась твоя компания. А тебе к тому времени уже вообще ничего не нравится.

Примерно такая ситуация предстояла ему сейчас. И напрасно Кейек говорил себе: «Хетт не маленький, я с ним нянчиться не собираюсь». Он предполагал, что ему предстоит именно это – нянчиться.

Все шли по парам или группами. Хетт как будто бы воздвиг вокруг себя каменную стену, через которую не пробраться. Он держался особняком. И Кейек считал себя обязанным идти рядом с Хеттом и поддерживать разговор именно с ним.

– Тебе нравится в парке? – спросил Кейек, чтобы начать разговор.

– А тебе?

– Да, очень даже.

– Ну, и мне неплохо.

Вот и весь разговор. Кейеку надоело развлекать своего пассажира, и он постепенно перебрался поближе к Янхе. Тот как раз говорил о том, что кататься на горках очень полезно для организма, так как вырабатывается адреналин, а без него человек не живет.

– С чего ты это взял? – спросил Кейек.

– Говорили по телевизору.

– Видеомонтаж! Я знаю очень многих людей, которые никогда не катались на горках, но остались живы. И наоборот, помнишь, несколько лет назад один мальчишка сорвался с горки и расшибся насмерть? Выходит, ему твой адреналин не помог.

Разговор подхватил и Шалшох.

– Значит, и мы можем упасть оттуда и погибнуть? Что-то мне расхотелось на эти горки.

– Просто такие вещи надо рассказывать после горок, а не перед ними, – сказал Урумхе.

Все принимали участие в разговоре, кроме Хетта. Он шел с ними рядом и формально принадлежал их группе, но на самом деле это была лишь видимость.

Даже когда они поднялись на горку. Абсолютно все кричали, когда ехали вниз и выписывали мертвые петли. Янхе – потому что крик способствует выработке адреналина, который так полезен для здоровья. Шалшох – потому что ему действительно было страшно. Урумхе просто от восторга. А Кейек – за компанию. Один только Хетт молча вцепился в поручни и не издал ни звука, пока они ехали по горкам.

Аттракционы посетили не все. Янхе вдруг вспомнил, что скоро должны начаться вечерние новости. Надо было срочно ехать на центральную площадь Яссена, чтобы посмотреть телевизор. И хотя Кейеку хотелось еще покататься на игрушечных самолетиках, он уступил товарищам и поехал с ними.

Он сказал Хетту так:

– Я могу поймать извозчика, и он увезет тебя в гостиницу. Разберешься там, куда идти? Не потеряешься?

– Лучше я поеду с вами, – сказал Хетт.

Кейек подумал, что ему совершенно не хочется нянчиться с Хеттом еще какое-то время. Лучше избавиться от него пораньше.

– Да там ничего страшного нет. Извозчик подвезет тебя прямо к постоялому двору, где мы остановились. Тебе останется только подняться в свой номер.

– Я поеду с вами, – сказал Хетт.

Кейеку хотелось сказать: «Делай что хочешь. Тогда домой поеду я». Но он понимал, что никто из его друзей не будет нянчиться с Хеттом. Ведь никому из них тот не платил триста

тохомов. И раз эта сумма уплачена Кейеку, то надо ее отрабатывать: создавать своему пассажиру комфортные условия в поездке. Раз ему захотелось пойти со всеми, то надо идти.

Яссен не зря слыл богатым городом. Его центральная площадь была огорожена со всех сторон так, что перелезть было невозможно. Зато было четверо ворот, у которых стояли привратники и требовали плату за вход.

– Кажется, раньше такого не было, – сказал Шалшох.

– Конечно, не было, – поддержал его Кейек. – Просто они хотят получить деньги за то, что кто-то смотрит телевизор. Я бы этот видеомонтаж и бесплатно не стал смотреть. Может, поедем домой, ребята?

Но ребята настроились посмотреть вечерние новости. Особенно горячился Янхе:

– Что же мы повернем назад из-за такой ерунды? Подумаешь там, деньги! В парке мы тоже платили деньги. Да если хотите знать, телевизор гораздо интереснее каких-то горок!

– Да, только он адреналин не вырабатывает, – усмехнулся Кейек.

Они узнали стоимость входа. Она оказалась совсем символической: всего два затохома².

– Эти гроши мне для телевизора совсем не жалко, – сказал Янхе, первый подходя к привратнику и расплачиваясь с ним.

Кейек протолкался к нему ближе и тихо спросил:

– Ну и кто из нас транжира? Я мог бы спокойно обойтись без телевизора, а ты готов с радостью промотать на него свои деньги.

Янхе посмотрел на него и сказал:

– Транжира, конечно, ты. Потому что я трачу деньги на то, что мне нравится, что хочется, что мне необходимо. А ты не любишь телевизор, но все равно идешь, и даже платишь за это деньги. Ты и есть транжира.

Кейек не стал с ним спорить.

Сначала была познавательная передача о политике Южных Земель. Там говорилось, что благодаря правильному ведению дел экономика в государстве возросла. Кейек подумал, что она возросла благодаря тому, что огородили площадь и стали брать деньги за просмотр телевизора. Он думал о том, что когда-то на площадях не было телевизоров. И площади играли другую роль, не как сейчас. И было неправильно взять отместить все ранешние функции площади, а приписать ей только просмотр телевизора. Ладно бы, если бы это произошло как-то медленно, постепенно и естественно. Изобретения землян не были чем-то естественным в ходе эволюции планеты. Они были чем-то наносным, непонятным и будоражащим. А теперь ради телевизора огородили площади и гордятся тем, что в стране повысилась экономика.

Нет, Кейеку все это не нравилось.

После познавательной передачи была короткая пауза перед новостями.

– Как выдумаете, похоронили уже царскую семью на севере? – спросил товарищей Урумхе. – Ведь мы три дня пропускали новости. За это время они могли бы что-то успеть.

Янхе сказал да, Кейек – нет, Шалшох – не знаю, а от Хетта никто и не ожидал ответа.

Начались новости. Снова показали руины, оставшиеся от царского дворца. Диктор сказал, что на этом месте начинает зеленеть первая трава. Только Кейек обрадовался, что все возвращается на круги своя, как по телевизору сообщили, что эта трава радиоактивная. Что это значит, Кейек не совсем понял. Понял только, что по телевизору никогда не говорят хороших новостей. Даже и к траве прикопались. Мол, плохая она какая-то выросла.

² Затохом – денежная единица на планете Эшера. 100 затохомов равняются 1 тохому.

– Продолжается идентификация останков, – продолжил диктор. – Ознана почти вся королевская семья, их слуги и ближайшее окружение. Никак не могут найти останков только одного члена семьи – принцессы Эмины.

Показали крупным планом ее портрет. Кейек подумал: жалко, что такая молодая и красивая девушка погибла. А ведь она была там не одна. Остальные принцы и принцессы были еще меньше, совсем дети. Да, ему было жалко их всех.

– Есть предположение, что останки найти не удастся, – продолжил диктор. – Специалисты с Земли выдвигают гипотезу, что принцессы Эмины не было во дворце, когда произошел взрыв, ведь ее останков найти не могут, а живьем она нигде не объявлялась. За эту гипотезу выступает один пострадавший с зоны бедствия. Нашим журналистам удалось взять у него интервью.

Далее показали человека с очень интересной особенностью. Вместо глаз у него был размытая черная полоска. Свойство этой полоски было таким, что куда бы человек ни двигался, она перемещалась вместе с его глазами. Она очень мешала смотреть, так как Кейеку было интересно увидеть глаза этого человека. А эта черная полоска мешалась как будто бы специально.

– По известным причинам мы не будем называть имя этого человека, – сказал диктор новостей.

Кейек стал думать, что же это могут быть за причины. И кому они известны. Он так задумался над этим, что не сразу понял, о чем рассказывает этот человек с черной полоской на месте глаз.

– ... Да, я это видел собственными глазами! Летающая тарелка пронеслась почти надо мной. Но я успел заметить: она мчалась со стороны королевского дворца.

– И что вы сделали?

– Ничего. Выпил немного и пошел дальше.

– Куда вы направлялись?

– Домой. Я шел домой и думал, что жена меня убьет за то, что я опять пьяный возвращаюсь не понять откуда.

– И что было дальше?

– Дальше я помню очень плохо. Был взрыв, я куда-то скатился и было очень плохо. Бутылку свою я потом так и не нашел. Очнулся в больнице, где и провел несколько дней. Там я узнал, что вся моя семья погибла. И что от моей деревни почти ничего не осталось. И что в королевский дворец попала ядерная бомба. Этого я не видел, так как шел наоборот от дворца к дому и не смотрел, что там было за спиной. Но то, что до взрыва из дворца вылетела летающая тарелка, помню хорошо.

Кейек сразу догадался, что кто-то прилетел на летающей тарелке, сбросил на дворец бомбу, а сам улетел. Это было так понятно! Но человек, который брал интервью у свидетеля, был не таким легковерным.

– Сколько времени, по-вашему, прошло с момента, когда вы увидели тарелку, и до взрыва?

– Ну, минут пять... Хотя, может, полчаса...

– Почему вы не уверены?

– Я не засекал время. И я был пьяный тогда. Знаете, пьяному может показаться не то, что есть на самом деле.

– Значит, вам могло показаться то, чего не было на самом деле?

– Ну, любому пьяному это может.

– А летающая тарелка вам могла показаться?

– Вы что же, намекаете, что я опять допился до белой горячки?

– У вас уже были случаи белой горячки?

– Мне кажется, что не было. А моя покойная жена утверждала, что были.

– А лечащий врач что говорит?

– Да он мне так и поставил диагноз: белая горячка. Но лично я с ним не согласен. Я выжил благодаря водке. Люди во всех окрестностях погибли, выжил один только я. И что, после этого говорить, что пить алкоголь вредно для здоровья?

Затем он перевел взгляд с человека, берущего интервью, прямо в камеру. Кейек не мог с уверенностью сказать, куда он смотрит, потому что мешалась черная полоска на глазах. Но ему казалось, что человек глядит прямо на него.

– Люди, водка – это сила! Пейте водку! Это жизнь, и лекарство, и...

Почему-то запись прервалась. «Видеомонтаж», – сразу понял Кейек.

Показали еще одного специалиста. Он разнес миф о летающей тарелке. Он сказал так:

– Мало ли что может показаться пьяному человеку? Тем более, сейчас он находится в больнице, в ожоговом отделении из-за полученного облучения. Взрыв мог повлиять на его умственные способности. Лично я не склонен доверять сомнительным источникам. Я только за научный подход. Насколько известно, дети из королевской семьи редко покидали его стены. И никогда не было такого, чтобы королевский ребенок был где-то без родителей: ни на светские рауты, ни для работы, ни для учебы они не покидали дворец без сопровождения. А все сопровождение мы нашли, когда опознавали останки. Нам нужно просто поработать еще. И докопаться, наконец, до останков принцессы Эмины. Она не могла быть в другом месте, только во дворце. И мы найдем ее останки обязательно.

Потом показывали другие репортажи, но то, что творилось в Северных землях, было самым запоминающимся. После новостей стали расходиться. У ворот образовалась давка. И Кейек с товарищами благоразумно решили подождать, когда она рассосется.

– Вот это да! – расходился Янхе. – Могу поспорить, что принцесса Эмина жива. Ее останки ищут, а их там нет.

– Где же она? – спросил Урумхе.

– Улетела в той летающей тарелке, про которую говорил алкоголик.

– И ты поверил алкоголику? – спросил Шалшох. – Никакой летающей тарелки не было!

Они стали спорить. У каждого было свое мнение после новостей. Отмалчивался только Хетт. Но никто и не ожидал, что он мог бы что-то сказать.

Вмешался Кейек:

– Не знаю, что там с принцессой. Но я думаю, что на тарелке прилетали те люди, которые сбросили бомбу на дворец. Они ее сбросили, и тут же улетели, чтобы им не досталось. А алкоголик их увидел.

– Они бы не могли улететь так быстро. Ведь алкоголик говорил, что прошло время, когда он видел летающую тарелку, и когда произошел взрыв.

Кейек отстаивал свою идею:

– Значит, эта бомба падала медленно.

– Как может что-то медленно падать?

– Вы что: не знаете людей? Если они придумали телевизоры и летающие тарелки, они могут придумать приспособления, чтобы бомбы падали медленно. И это очень логично. Им ведь надо убраться с того места, чтобы самим не пострадать от взрыва.

Шалшох и Урумхе явно сомневались. Но было видно, что слова Кейека произвели на них впечатление. Но тут заговорил Янхе, а он, как обычно, мог разнести идею Кейека до основания.

– Я считаю, – сказал он, – что две таких случайности быть не должно. А если они есть, значит, они связаны. Алкоголику действительно может мерещиться что попало. Но земным специалистам, которые там копаются, мерещиться не может. Останков принцессы нет. А значит, ее там и не было. Она улетела на той летающей тарелке, вот что я вам скажу!

На него смотрели очень внимательно. А он обвел взглядом всех своих товарищей. В его глазах читалось явное превосходство. Мол, он дошел до истины, когда никому это не удавалось.

– Гениально! – восхитился им Шалшох. – Значит, принцесса Эмина знала, что будет этот взрыв, и улетела от греха подальше?

Янхе подумал немного и ответил:

– Если бы она знала, что будет взрыв, она бы постаралась вывезти всю свою семью оттуда. Видимо, она их не слишком любила. Отсюда следует вывод...

Он специально замедлил свою речь и посмотрел на товарищей: сможет ли кто-то продолжить его мысль. Но те смотрели ему в рот и просто внимали. Ничего сами они придумать не могли.

– Отсюда следует вывод, что взрыв устроила сама принцесса. Кого же нам еще подозревать: все погибли, а ее останков не нашли? Она просто не знала, что к делу подключатся земные специалисты со своими анализами. Она убила всю семью и инсценировала свою смерть, и даже не подозревала, что ее деяния могут раскрыться. Поэтому говорю еще раз: лично я восхищен этими земными технологиями. Видите, как они помогают? Без них не нашли бы убийцу. Без них мы бы даже не знали, что в Северных Землях произошел этот взрыв...

– Без них не было бы и самого взрыва, – напомнил ему Кейек. – Я считаю, что принцессе незачем убивать всех, кого она там любила. Какая-то надуманная у тебя гипотеза.

Теперь уже товарищи смотрели на двоих: на Янхе и на Кейека. Мол, чья перетянет. Янхе приосанился, так как знал: люди могут выбирать и по чисто внешним признакам. Да он одной только своей осанкой и убежденностью возьмет верх.

– Ты не понимаешь! – сказал он Кейеку. Эта фраза тоже была за него: она дискредитировала оппонента. – У принцессы Эмины были все мотивы, чтобы убить свою семью. Она же принцесса, понимаешь. Она могла бы править Северными Землями, она уже достигла этого возраста. Но ей не давали родители. И она никак не могла занять положенное ей место. Вот она и поубивала всех.

– А ведь и правда! – воскликнул легковверный Шалшох.

Но Кейек продолжал отстаивать свою точку зрения:

– Тогда где она сейчас? Почему сразу не взяла власть в свои руки? Если бы она действительно хотела переворота, она бы объявилась.

– Она в бегах. Она не знала, что земные специалисты так ловко раскроют ее преступление.

– А время? Сколько дней уже прошло с момента взрыва? Мы еще затаривались в Феликсе, помните? А про принцессу объявили только сегодня. Да и вообще не мог нормальный человек убить свою собственную семью. Взять тебя, Янхе. У тебя, наверное, тоже бывают недоразумения с родителями. Но разве ты бы стал их убивать?

– Меня и верхушку сравнивать не надо! – оскорбился Янхе. – Я власть над страной с родителями не делю. У верхов другая психология. Они все готовы глотку друг другу перегрызть из-за власти. Я смотрел как-то передачу про преступников. Там так и говорилось: ищите преступника в ближайшем окружении.

– Ты знаешь все окружение царской семьи или только эту несчастную принцессу? Ты ее первый раз увидел по телевизору, до этого – я уверен – ты не знал о ее существовании. И на основе этого ты делаешь какие-то выводы? Возможно, ты смотрел умные передачи по телевизору. А лично я просто хожу по свету и смотрю на то, что происходит в жизни. И я не видел ни одной семьи, в которой кому-то хотелось бы убить своих родных.

И тут совсем некстати сказал Шалшох, который обычно верил всем и не высказывал никаких своих идей.

– Алкоголик сказал сегодня, что жена хотела его убить. Значит, бывает такое в жизни.

Внезапно Кейеку показалось, что Шалшох очень туп, так как приводит глупые аргументы. И Янхе тоже показался придурком, так как выстроил какую-то гипотезу и доказывает ее не потому, что она реальна, а потому что она – его. Гипотезы тем и хороши, их можно при-

думывать пачками, и каждую можно доказывать. И в каждой можно рассматривать аргументы в свою пользу. Но лишь одна является истинной. И неизвестно, была ли она выдвинута.

– Пойдемте, уже все разошлись, – сказал Кейек, первым направляясь к воротам с площади.

– Значит, ты сдаешься? Я тебя победил? – спросил его Янхе вдогонку.

Кейек остановился и посмотрел на него:

– Мы с тобой не дрались, чтобы ты меня побеждал. Лично я остался при своем мнении.

А вы все вправе думать что хотите.

Он пошел к выходу. За ним засеменял Хетт, следом пошли все остальные его товарищи.

Когда Кейек остался один в своем номере, он вдруг подумал: почему всегда после новостей у людей какое-то странное взбудораженное состояние? Причем, он заметил это уже давно, даже до взрыва в Северных землях. Научные передачи не производят такого впечатления. Наверное, они как-то по-другому построены. Они как рассказ: Кейек тоже мог бы рассказать о чем-то, сопровождая свои слова картинками. А вот новости – это что-то особое. Кейек перебирал в уме репортажи и интервью, которые видел. И ему казалось, что разгадать эту задачку очень легко, ответ так и вертелся перед его сознанием. Но он все никак не мог ухватить его. И Кейеку казалось: либо надо еще посмотреть новости, чтобы понять это. Либо их не стоит больше смотреть вообще, иначе критическая жилка пропадет, будто ее не бывало.

А когда он проснулся следующим утром, он понял, наконец, то, до чего докапывался вечером. В новостях не была поставлена точка. Преподнесена информация, но не понятно, что же произошло на самом деле. Ну, видел алкоголик тарелку. А была ли она? Ну, высказали предположение, что это померещилось ему. А был ли это глюк? Ну, сказали, что не нашли останки принцессы Эмины. А там ли они на самом деле? Каждый новый факт должен привносить ясность. А в новостях уводит все дальше и дальше. И главное: нет никакой надежды на то, что когда-нибудь все это распутается.

Из Яссена уезжали очень рано: на улице было еще темно. И Кейек не сразу заметил, что Хетт опять надел свою чалму.

– Зачем? – подъехал он к своему пассажиру. – Сними ты ее.

– Чем тебе не нравится моя чалма? – спросил Хетт.

– Ну, не идет она тебе. Из моды давно уже вышла.

Он не стал добавлять, что ему просто стыдно перед друзьями за то, что он взял себе такого странного пассажира.

– Мне без чалмы холодно, – сказал Хетт.

– Не верю. Мы же едем к экватору. С каждым днем становится жарче и жарче. Неужели не чувствуешь смену климата?

– Это моя любимая чалма. Она досталась мне от дедушки, – спорил Хетт.

– Ну ладно, – махнул рукой Кейек. – Дело твое.

Он хотел добавить, что если Хетт чувствует себя комфортно, нарядившись в старинное барахло и пугая своим видом окрестности, то пусть делает что хочет. Но подумал, что это может оскорбить память о дедушке. Он промолчал. И подумал: «Если я думаю даже о чужом дедушке, то о своем человек думает и подавно. Не стала бы принцесса убивать всю свою семью, чтобы добраться до трона. Эта гипотеза интересна, но очень и очень надумана».

На следующей стоянке в деревне Тахта произошло непредвиденное событие. Рано утром, когда пришли забирать своих верблюдов, оказалось, что стропы над одним из них лопнули. Это был Верблюд номер Пять Джихамоллана. С его левой стороны все было в порядке: стропы поддерживали груз на весу. Но что касается правой стороны, все было плохо. Стропа лопнула,

груз лежал полностью на боку верблюда Номер Пять. И было неизвестно, сколько он так простоял: всю ночь или несколько минут.

В любой конюшне есть дежурный. Он должен исправлять такие ситуации, как только они происходят. И в этой конюшне он тоже был, но когда пришел открывать на стук, то протирал заспанные глаза. А потом очень удивился, когда Джихамоллан начал показывать ему своего верблюда Номер Пять.

Если бы стропы лопнули с обеих сторон, верблюду было бы легче. Но получилось, что он весь перекосячился на правый бок, чтобы выдержать этот груз.

Джихамоллан начал кричать и звать хозяина постоянного двора. В то время как конюший лишь сонно протирал глаза и пожимал плечами, хозяин принялся оправдываться и извиняться.

Джихамоллан взял денежную компенсацию за причиненные неудобства. Но это не мешало ему кричать до тех пор, пока не выехали со двора.

– И чтобы этого конюшего высекли палками! – кричал он.

И хозяин обещал, что именно так и сделает.

– На обратном пути я посмотрю, исполосовали его или нет! – продолжал угрожать Джихамоллан.

– Обязательно! Исполосуем так, что будет видно через два года, – клялся хозяин.

– И увольте с работы этого лодыря!

– Обещаю! Уволю и сошлю куда подальше. Приглашу только, когда вы поедете обратно, посмотреть на его исполосованную спину.

Кейек понимал, что хозяин не будет ни бить конюшего палками, ни увольнять его. Самое лучшее, что он сможет сделать, это вычесть из его зарплаты денежную компенсацию, которую отдал Джихамоллану.

Кейек думал о том, чтобы быстрее эта ругань кончилась. И когда постоянный двор скрылся из виду, крики прекратились. Правда, Джихамоллан бухтел себе под нос, что конюшие совсем освинели и всех их надо высечь палками. Но Кейек уже не разбирал слов, слышал только монотонное бурчание.

Но кое-что его насторожило. Он видел, что Джихамоллан слишком увлечен своими страстями, чтобы обращать внимание на верблюдов. А тот, Номер Пять, как-то странно прихрамывал. И это было понятно: если он несколько часов простоял в конюшне без сна, удерживая груз одним боком, то мог устать и идти из последних сил.

«Сказать ему, что его верблюд прихрамывает? – размышлял Кейек. – Наверное, сейчас лучше не попадать Джихамоллану под горячую руку. Ведь сам же виноват и останешься. Лучше подождать, когда тот успокоится. Погода хорошая, природа красивая – это должно повлиять на него. Он успокоится, да и сам заметит, что верблюд хромает. А пока не надо лезть к нему с дурными вестями».

Цветы на Эшере не только пахнут, они еще и дымят. Близко к соцветию в них располагается специальный орган, который аккумулирует солнечную энергию. От тепла, которое дает этот орган, пыльца внутри цветка начинает тлеть и выкуривается из него.

У некоторых цветов дымление сильно заметно, у некоторых его почти не видно. В зоне полюса цветы не слишком этим отличаются. Но когда ты удаляешься от полюса в сторону экватора, такие цветы попадают тебе все чаще и чаще.

Есть целые поляны таких цветов. Они вырабатывают так много дыма, что он ковром лежит на земле, словно туман.

Верблюды ступают по такому туману осторожно, как бы щупают ногами почву. Может, там есть невидимая яма, в которую можно угодить? Надо сначала хорошенько проверить, на месте ли земля.

Именно на таком цветочном поле верблюд Джихамоллана Номер Пять начал отставать. Он и так хропал весь день, а сейчас, с этими мерами предосторожности, совершенно начал выбиваться из сил. И Джихамоллан, наконец, заметил, что с его верблюдом не все в порядке.

– Эй ты, скотина! – начал он кричать на него. – А ну иди вперед, не отставай!

Верблюды – удивительные животные. С ними надо договариваться, как с людьми. Если их не кормить, обижать, кричать, они могут заупрямиться. Обиженный верблюд, как и голодный, далеко не уедет.

И Кейек поражался, почему Номер Пять все еще слушается своего хозяина. Почему он старается идти быстрее, терпит эти понукания и ни разу еще не укусил Джихамоллана за такое обращение с ним.

Видимо, тот подбирал себе особых верблюдов: терпеливых и стойких. Только есть ли предел этим качествам?

В очередной раз весь караван остановился, чтобы подождать, когда Джихамоллан заставит своего верблюда идти быстрее. Все с участием смотрели, чем кончится дело. Один только Хетт не следил за ними.

– Слушай, что это? – спросил он, подъезжая к Кейеку.

– Джихамоллан проучивает своего верблюда, – нехотя ответит тот. И только тут понял, что Хетт имеет в виду другое.

– Что это за туман?

– Ну, это дым от цветов, – объяснил Кейек. – Просто тут их целая поляна, вот они и надымили.

– Так это все идет до самого горизонта.

– Ну да, большая поляна попалась.

Ему показалось, что Хетт еще что-то хочет спросить, но не решается. В то время как все смотрели, чем кончится дело с верблюдом, Хетт привставал в своем седле и пытался дотянуться взглядом до самого горизонта. Он оглядывался во все стороны и просто пожирал глазами окрестности.

Кейек тоже переключился от верблюда на природу.

– Неплохо, правда? – самодовольно спросил он, как будто бы в этой красоте была и его заслуга.

– Да, – сдержанно ответил Хетт. Видно, понял, что на самом деле заслуги Кейека в этом нет.

Верблюд Номер Пять прошел еще какое-то время. Но вскоре опять начал отставать. Он затерся среди верблюдов Урумхе. Уже и тот его подгонял. Ничего не помогало, и караван опять вынужден был остановиться. Джихамоллан спрыгнул на землю. Вокруг его ног всколыхнулись струйки дыма.

– Ах ты скотина! – закричал он, подходя к Номеру Пять. – Я вот тебе покажу, как доставать своего хозяина!

Он ударил его в бок. Номер Пять закричал и начал трясти мордой. За него заступился Урумхе:

– Не бей ты животное. Он не виноват.

– А кто ж тогда виноват?

– Тот парень, конюший. Это он не уследил за ним. Надо просто снять с твоего верблюда часть поклажи и переложить на других.

Но Джихамоллану эта идея не понравилась:

– Тогда у меня все они захромают, глупые скотины! Этот просто понимает, что может показаться несчастненьким в наших глазах, и разыгрывает этот спектакль!

Джихамоллан снова ударил своего верблюда, и тот жалобно закричал. Урумхе, Шалшох и Пишмах неодобрительно загудели. Возмутился и Кейек:

– Ты решай что-то со своим верблюдом, а не избивай его! Перекладывай поклажу на других. И пусть этот идет пустым.

– Из-за одного негодяя других нагружать? Вот я тебе покажу!

Он снова ударил Номер Пять. Кейек не выдержал и спрыгнул на землю. Цветочный туман всколыхнулся у его ног, и причудливые струйки дыма поплыли по воздуху. Он подошел ближе к Джихамоллану и сказал:

– Если ты его еще раз ударишь, я ударю тебя.

– Кто ты такой вообще? – кипятился Джихамоллан. – Что ты тут мне указывать будешь? Да я и сам тебя стукнуть могу!

Его сжатые кулаки уже были готовы к битве. Но рядом с ними уже стоял Янхе.

– Ты стукнешь его, а я тебя. Короче, все мы тебя побьем.

Джихамоллан оглядывался то на одного своего товарища, то на другого. А они молча подошли к верблюду Номер Пять и начали разгружать его. Урумхе быстро снял часть поклажи и начал навешивать на своих верблюдов. А старик Пишмах оказался не таким простачком.

– Ребята, себе эту поклажу не берите, навешивайте ее на верблюдов Джихамоллана. Делать нечего: таскать чужое. Каждый из нас почти на пределе. Особенно Кейек. У него и так пассажир.

Кейек хотел посмотреть на своего пассажира, но не увидел его. Верблюд Шпион стоял с пустым седлом. Рядом тоже никого не было. Кейек почувствовал беспокойство: где же Хетт? Если он устал сидеть в седле и спрыгнул, то должен быть где-то рядом.

И вдруг он увидел небольшое дымное облачко, стоящее как бы над всей поверхностью.

– Эй, Хетт! – сказал Кейек и пошел туда.

Так и есть: Хетт завалился всем телом в туман. Лежал, раскинул в стороны руки и ноги, и смотрел в небо. На лице его была улыбка. И Кейек вдруг подумал, что он первый раз видит Хетта улыбающимся.

Но как только тот увидел Кейека, улыбка тут же слетела с его лица, и он спешно встал. Как будто мальчишка, пойманный учителем на месте преступления: списывал у товарища.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Кейек, отчасти от того, чтобы замять неловкость.

– Я просто устал и решил немного полежать. Я же не привык ездить в седле, знаешь ли...

– Нравится тебе этот туман? – спросил Кейек и пнул носком ботинка, подняв небольшое облачко в воздух.

– Очень, – признался Хетт и пнул то же облачко своей ногой, подгоняя его вперед.

– Мне тоже нравится, – сказал Кейек. – Мне вообще очень нравится наша планета. Такая она красивая. Сколько я уже езжу туда-сюда, но всегда люблюсь как будто в первый раз. Говорят, человек ко всему может привыкнуть. И что, мол, потом эти впечатления стираются. А вот у меня не стираются. Смотрю как будто бы заново.

– А я еду вот так первый раз, – сказал Хетт.

– Врешь. Ты же каким-то образом очутился в Южных Землях, если всю жизнь жил в Северных? Значит, один раз ты уже совершал этот путь.

Хетт смутился:

– Да. Я просто имел в виду, что да. Как будто впервые.

Он отвернулся от Кейека и снова посмотрел на то место, где только что лежал. Как будто бы ему хотелось снова завалиться туда.

И Кейек почувствовал, что и ему охота раскинуть руки в стороны и упасть на землю. Сколько раз он ездил по этим местам, сколько любовался на этот туман, и ни разу он не позволил себе остановиться, слезть с верблюда, пощупать этот туман руками. А ведь всегда хотелось. Сколько он помнил себя, ему всегда хотелось пощупать этот туман и побегать по нему, поднимая струйки в воздух. Там, должно быть, очень интересно. Новые ощущения, которых он никогда не испытывал, но хотел испытать.

Так когда же сделать это, как не сейчас? Все время они пробирались через это место без приключений. А тут словно бы судьба заставила их остановиться. Другого раза больше не представится. Надо пользоваться этим шансом.

Кейек засмеялся своему умозаключению, раскинул руки в стороны и улегся на землю. Ему казалось, что туман может принять его, как мягкий матрас из пуха. Но он был не плотным. Сколько раз Кейек был здесь, но так и не удосужился проверить это. А сейчас понял, что туман этот физически почти неощутим. И он был не мокрым, а вполне сухим, о чем Кейек раньше даже не подозревал.

Он лежал среди травы, ощущая ее всем телом. От земли и травы шла приятная прохлада. Над ним клубились струйки дыма, через которые было видно небо. И было так приятно на душе, что хотелось не просто улыбаться, а смеяться в полный голос.

Он видел, что рядом с ним в туман падает Хетт. Он чувствовал, что тот улегся рядом с ним. Затем услышал голос Урумхе:

– А что это вы тут делаете? – и тут же с другой стороны взвилось другое облачко тумана.

Кейек догадался, что Урумхе присоединился к ним. И тут же закричал:

– Эй, Шалшо, двигай сюда!

Звуки отсюда были слышны по-другому. Словно в тумане или как будто бы близко к воде. И Кейек, улыбаясь, слушал, что происходит вокруг, потому что видно этого уже не было.

– Ребята, где вы?

– Бросай покажу, пойдем полежим в тумане!

– Скотины! Вы все скотины! Разгрузили моего верблюда и побросали все!

– Ребята, надо ехать! Хватит всем валяться! Быстрее, мы и так опаздываем. Ведь не доберемся засветло до следующей стоянки!

– Пишмах, давай к нам. Тогда мы все быстренько поедим!

Кейек тихонько засмеялся. Ему было весело. Ему и раньше хотелось побегать и поваляться в этом тумане, просто он ехал с караваном, и не смел задерживать его из-за своих прихотей. И наверное, каждый из них мог бы сказать то же самое про себя. А вот Хетт здесь в первый раз, и он не караванщик. И он сделал то, что ему захотелось. И каким-то образом получилось, что все они поддержали его игру.

И все же надо было внять голосу разума. Прав Пишмах: они и так отстают от графика, а если будут тратить время на безумные игры, то к ночи не придут к следующей стоянке.

Но, с другой стороны, если не сейчас, то когда же еще?

Кейек вскочил, принялся бегать по полю, поднимая за собой клубы дыма, и пинать его ногами. За ним побежали Урумхе и Янхе. Остальные все-таки послушались старика Пишмаха и стали собираться ехать. Басхон попинал туман возле своего верблюда, пока наблюдал за бегущими. Хетт старался зачерпнуть дым в ладони и подкинуть его кверху.

Один только Джихамоллан не принимал участия в общем веселье. Да и Пишмах посматривал на эти ребячества чересчур серьезно. Может, и хотелось бы ему подурачиться с остальными, но ведь он был старейшина каравана. И он как никто другой должен был заботиться о том, чтобы на ночлег пришли вовремя.

– А ну-ка быстро по верблюдам! – прикрикнул он. – Иначе мы уедем, а вы останетесь тут ночевать!

Эта угроза подействовала. Как бы ни хотелось побегать еще, но приходилось слушаться старшего.

Хетт одним из первых залез на своего верблюда. Кейек усмехнулся, заметив это. Именно Хетт заварил эту кашу, показал пример. А сейчас спокойно сидит на верблюде, как будто бы не причем.

Проходя мимо него к своему верблуду, Кейек чуть приостановился:

– Ну что, не болит твоя спина? – спросил он. – Успел размять свои косточки?

– Успел, – хихикнул Хетт.

И Кейек подумал, что совершенно не ожидал от него того, что он тут натворил. Хетт организовал бывалых караванщиков на этот шаг. Оказывается, он способен не только улыбаться (раньше Кейек считал, что у того начисто отсутствует эта особенность). Он еще может сделать что-то нестандартное и заразить других своим примером.

Джихамоллан оставался недовольным. За своими верблюдами он не следил. Номер Пять, продолжая хромать, немного приотстал от других и затерся среди верблюдов Урумхе. Тот спокойно принял его в свое стадо.

Приотстал и Басхон. Он подъехал к Джихамоллану и начал с ним разговаривать. О чем, Кейек не слышал. Но видел, что сначала тот реагировал очень бурно, а потом поутих.

С одного цветочного поля перешли на другое, потом на третье. Начало темнеть, а селения еще не было видно. И Кейек предполагал, что этой ночью они не успеют выспаться как следует.

Номер Пять отстал еще больше. Сначала Урумхе пытался как-то подгонять его, но потом ему это надоело. И Номер Пять начал отираться среди верблюдов Кейека.

Сначала ему это не понравилось. Теперь придется торопить и подгонять чужое животное. Кейек смотрел на него, и ему казалось, что этого верблюда надо оставить в конюшне, а Джихамоллану купить себе нового. Хотя, если поговорить с Номером Пять и хорошенько погладить его по спине, разминая правый бок, может, ему станет легче.

Внезапно заботиться о нем начал Хетт, рядом с которым тот оказался.

– Ну давай, пошел, пошел, я помогу тебе, – уговаривал он его. – Ты же не хочешь ночевать посреди поля. А то хозяин на тебя разозлится и надает еще палок. Уж лучше потерпи немного, скоро уже придем.

Хетт протягивал к нему руку и старался вести рядом со своим верблюдом. У него это неплохо получалось. Животное слушалось его. И Кейек был рад, что Номер Пять не отстал еще больше. Ведь в хвосте каравана оставались лишь Кейек да Янхе.

Ночью пришли в селение Сакастаха. Пришлось разбудить хозяина постоянного двора, чтобы устроил их на ночлег. Встал и сонный повар. Он начал разогревать то, что оставалось у него с вечера. Послали за ветеринаром, но сказали, что, скорее всего, тот не слишком поспешно поднимется с постели и придет лишь утром.

Уставшие, караванщики слезали со своих верблюдов и шли на ужин. Джихамоллан долго объяснял хозяину постоянного двора, что стропы нужно привязывать хорошо, а конюший обязан следить за животными всю ночь. Он говорил, что его не интересует, что конюший делает остальное время, но эту смену он обязан дежурить добросовестно.

Сначала Кейек хотел уйти и не слушать этот бред, ведь по большому счету эти слова были предназначены конюшему прошлой стоянки. Кейек прошел несколько стойл, где уже стояли верблюды с поднятым над ними грузом. Некоторые уже спали, так как устали в дороге. Некоторые провожали Кейека ленивыми глазами. Один только Номер Пять стоял беспокойно, водил глазами и выглядел запуганным и несчастным.

– Ну и что с тобой происходит? – спросил Кейек. – Мышцы затекли, да? Давай посмотрию. Хотя я и не ветеринар, но кое-что в болезнях понимаю.

Он забрался на специальную лесенку и стал прощупывать руками спину Номера Пять. Ему хотелось разгладить, расшевелить эти мышцы так, чтобы они встали на место. И, кажется, они ему поддавались.

И вдруг он услышал рядом с собой голос Хетта:

– А можно ли намазать его той же мазью, которую ты давал мне?

Кейек оглянулся. Он не ожидал, что тут есть кто-то еще. Он думал, что все ушли ужинать и никого больше тут нет.

– Эта мазь сделана для человека, – ответил он.

– А разве наши тела чем-то принципиально отличаются?

Кейеку подумал немного. И сейчас ему показалось, что Хетт может быть прав. Конечно, верблюд и человек сильно отличаются. Но тела у них не имеют принципиальных различий: те же мышцы, та же кровь, только размеры больше. Скорее, больше различий с инопланетянами с Земли. Хотя, наверное, у землян тоже бывает, что тянет мышцы или появляется хромота.

– Давай попробуем мазью, – согласился Кейек. – Ветеринар когда еще придет, а Номеру Пять уже нужна помощь. Да и если мы что-то напортим, ветеринар исправит.

Хетт с готовностью подал Кейеку баночку с мазью.

– Ничего мы не испортим, – сказал он. И добавил, улыбаясь: – Только руки потом помой с мылом, а то жечь будет.

Кейек усмехнулся:

– Подколол! Вернул мне мои же слова!

А потом подумал, что раньше считал Хетта неспособным кого-то подкалывать. Вот что делает с нами простое общение. Даже если человек кажется очень странным и порой просто невозможным, достаточно пройти с ним в одном караване, чтобы найти в нем что-то человеческое. Теперь уже Хетт не казался ему парнем не от мира сего. Да и другие к нему относились нормально. Видимо, просто не надо было брать с него триста тохомов, тогда бы сразу видел в нем нормального человека, а не черствого сухаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.